

18+

ШАМИЛЬ
ИДИАТУЛЛИН

До февраля

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

РЕШ: страшно интересно

Шамиль Идиатуллин

До февраля

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Идиатуллин Ш. Ш.

До февраля / Ш. Ш. Идиатуллин — «Издательство АСТ»,
2023 — (РЕШ: страшно интересно)

ISBN 978-5-17-154054-8

Шамиль Идиатуллин – прозаик и журналист, дважды лауреат премии «Большая книга» – мастер самых разных жанров: автор реалистических романов «Город Брежнев» и «Бывшая Ленина», мистического триллера «Убыр», этнофэнтези «Последнее время», романа «Возвращение „Пионера“» и сборника «Всё как у людей» (последние два – просто фантастика). Россия, провинция, осень 2021 года. Местной власти потребовалось срочно возродить литературный журнал «Пламя». Первокурснице Ане поручают изучить архив журнала – и там, среди графоманских залежей, юный редактор находит рукопись захватывающего триллера, написанного от лица серийного убийцы. А вскоре выясняется, что описанные в тексте убийства – не придуманы: они и правда происходили в городке пятнадцать лет назад, и душегуба тогда так и не поймали... О раскопках в архиве узнаёт автор рукописи – и теперь давно затаившийся маньяк должен выбрать, чего он хочет больше: покоя, который может нарушить Аня, или литературной славы?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154054-8

© Идиатуллин Ш. Ш., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог. Обещал быть прекрасным	6
Часть первая. Заставлять читателя ждать	10
Глава первая	10
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	19
Глава седьмая	21
Глава восьмая	24
Часть вторая. Извлечь из архива	27
Глава первая	27
Глава вторая	28
Глава третья	32
Глава четвертая	34
Глава пятая	36
Глава шестая	38
Глава седьмая	40
Глава восьмая	42
Часть третья. Это про нас книжка	44
Глава первая	44
Глава вторая	46
Глава третья	49
Глава четвертая	51
Глава пятая	53
Глава шестая	55
Глава седьмая	58
Глава восьмая	60
Часть четвертая. Сократить можно всё и всегда	65
Глава первая	65
Глава вторая	67
Глава третья	71
Глава четвертая	74
Глава пятая	76
Глава шестая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Шамиль Идиатуллин

До февраля

© Идиатуллин Ш.Ш.

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог. Обещал быть прекрасным

Наташа вышла из парикмахерской и покачнулась от удара солнца по глазам.

Солнце полыхало в половину неба. Ветерок прохладно гладил щеки. Пахло летом, счастьем и перспективами.

Наташа полюбовалась прической в отражении витрины, а заодно скользнула взглядом по безупречному, почти деловому и очень сексуальному летнему костюму, торжествующе улыбнулась и зацокала в сторону супермаркета. Первый шаг на пути покорения мужского сердца, так сказать. Выпью сегодня, подумала Наташа храбро. Может, оттого всё до сих пор и не складывалось, что слишком трезво смотрела на жизнь и на потенциальных спутников. Розовые очки в наших условиях необходимы.

Главное – не торопиться, как и положено солидной женщине и ответственному руководителю. Впрочем, торопиться на таких каблуках и в такой юбке было невозможно. Всё будет медленно и торжественно, подумала Наташа и прыснула. Щеки горели, а в животе, наоборот, клубилась сладкая прохлада.

Как дурочка молодая, подумала Наташа и поежилась от удовольствия и предвкушения. День обещал быть прекрасным.

Хороший какой день, подумала Алла Михайловна. И долгий еще – до вечера успею со всем этим ужасом справиться.

Помидоры, фенхель и лук заняли весь стол, будто тактическая схема из кино про Чапаева. Чеснок, кулечки с шафраном и горошинами перца держались обозом, и отдельным лесом для засадного полка выглядела гряда тимьяна, петрушки и прочей зелени. А если не получится, подумала Алла Михайловна уныло. Вы подумайте, суп на ужин, да еще с анисовой водкой.

Солнце ловко разложило стол, кухню и мир по цветам, ярким и теплым. Помидоры перемигивались бликами с бутылками масла и болгарской мастики, зелень и приправы играли искрами, и даже куриная тушка будто приободрилась и расставила пухлые ножки с запоздалой жовиальностью.

Ну и ладно, решила Алла Михайловна, поколебавшись в последний раз. Горячее не бывает ни сырым, ни несъедобным. Андрейка скажет, что мамочка вместо каши из топора придумала суп из веника. Наташа ответит: «Шарик, ты буйабес», или что-нибудь в этом роде, и может раскапризничаться из-за водки в бульоне, но ножку всяко погрызет. Андрейка же слопает всё, что дадут, особенно если махнет остатки мастики.

Лишь бы приехали. Во внезапные шеф-поварские намерения Алла Михайловна детей не посвятила. Сюрприз будет. У Наташи в среду вечер обычно свободный, они номер накануне сдают. Андрейка тоже найдет, если захочет, способ заскочить к матери на часок. Если надо, я его майору – или кто там его начальник? – позвоню, чтобы не мучил ребенка. А пока кофе поставлю, авансом за смелость. С помидорами разберусь – и хряпну.

Ну, с богом.

Телефон заверещал – как положено, в самый неподходящий момент, когда Алла Михайловна снимала шкурку с третьего помидора. Она вздрогнула и чуть не стрельнула скользким томатом в стену – очень этот след украсил бы свежую бежевую краску.

Не вставая, Алла Михайловна перетерпела несколько трелей: надеялась, что звонящий окажется не слишком настырным. Наверняка резвился неизвестный олух, что взялся отвлекать ее дважды в день глупой тишиной в трубке.

Поняв, что телефон умолкать не собирается, она метнула грозный взгляд на кофейную турку, помалкивавшую пока на малом огне, сердито отложила раздетый помидор, едва не сунувшись пальцами в кастрюльку с кипятком, и пробормотала несколько слов по этому

поводу. Бормотала Алла Михайловна уже на ходу, вытирая руки висевшим на плече вафельным полотенцем в такт шарканью тапок.

– Алло, – сказала она, торопливо подхватив трубку красного телефона, установленного на полочке в прихожей. – Я слуш... Да что такое второй день!

Алла Михайловна звучно вернула трубку на рычаги и, сердито глядя на нее, сказала:

– Андрейку на вас напущу, паразиты мелкие... Пожалеете!

Подумав, она снова подняла трубку, прижала ее к уху плечом, раскрыла на заложенной странице лежавшую рядом с телефоном ветхую записную книжку и, щурясь, принялась жать на поющие кнопки. Свет дотягивался до прихожей неубедительной кисеей.

Даже стой Алла Михайловна возле самого окна, вряд ли она всмотрелась бы в загороженный ветками выезд со двора и таксофон, торчащий в тени дома мрачно-красной чагой. И уж точно Алла Михайловна не нашла бы ничего интересного в невзрачном парне, лицо которого скрывали капюшон черного балахона и длинный темный козырек. Совсем неуместными были перчатки парня – белые строительные.

Заметить их было некому. Парень надавил первую кнопку, лишь дождавшись, пока пара мамочек соберет урожай отпрысков, возившихся в песочнице, и разойдется по подъездам, видимо, обедать.

Повесив трубку, он убрал бумажку с телефоном в карман, поправил капюшон и, не покидая тени дома и тополей, неторопливо направился к подъезду Аллы Михайловны.

Звонок застал Наташу на выходе из «Всех вкусов». Она выставила один из огромных пакетов перед собой, заставляя посторониться юную пару, и велела:

– Так, молодежь, не ломимся, пропускаем.

Девица замешкалась, пришлось зацепить ее пакетом потяжелее, с бутылками, и для верности пристукнуть веским взглядом, чтобы не вякала. Та и не вякнула – вцепилась в локоть ухажеру и торопливо увлекла его в магазин. Это правильно, подумала Наташа мимоходом, красота – страшная сила, в ней сидит умножение на массу.

Избочившись и разнообразно меняя занятые пакетами пальцы, Наташа принялась выковыривать из сумки надрывающийся телефон. Телефон придавливали баночки с мягким сыром и паштетами. Перекладывать их в пакеты под томное блеяние Азнавура, стоящего на мамином звонке, было даже забавно. Прохожим, которые с трудом избегали столкновения с Наташей и пакетами, забавно не было.

Наташа неловко выдернула телефон, раскрыла и прижала к плечу, в последний момент вспомнив вот так повести головой, чтобы не помять прическу, и зашагала под разговор.

– Да, мамуль, привет! Нормалек всё. Как сегодня? Нет, сегодня я не могу, у меня...

Она покосилась на выглядывающее из пакета горлышко винной бутылки, улыбнулась и поправила плечом телефон.

– Собрание у нас, мамуль. Я же говорила, нас с «Вечеркой» объединяют. Да нет, там всё как договаривались, меня в замредакторы, Мотылев подтвердил. Спасибо. Но сегодня никак. Завтра... нет, в пятницу – обязательно. Еда у тебя есть еще?

На том – а впрочем, единственном – конце провода Алла Михайловна ответила, пытаясь сердито хмуриться поверх довольной улыбки:

– Полно. С голоду-то не помру, не надейтесь. Руки пока слушаются, приготовлю.

– Ты у нас вообще самостоятельная.

– Самостоятельная, детям не нужная. Ты не можешь, Андрейка не может, совещания у вас вечно, планерки, командировки. У Андрейки уже гастрит, в его-то годы.

– Фигню потому что в рот тащит вечно.

– Такой уж он, чипсод. А ты тоже жаловалась, между прочим.

– Когда это? – возмутилась Наташа.

– Когда-когда, студенткой.

– Что-то не помню такого.

– Я зато помню. И забочусь. Супчиком вас хотела угостить, французским, готовлю вот. Наташа, снова метнув взгляд на пакеты и заодно на костюм, взмолилась:

– Мамуль, ну какой французский, вечером тем более! Не влезаю уже ни во что! Не вздумай. И в пятницу не вздумай.

Над ухом у Аллы Михайловны очень громко бимбомкнул дверной звонок. Она вздрогнула.

Наташа чуть замедлила шаг и уточнила:

– Это у тебя, в дверь? Спроси, кто. Из собеса? В глазок посмотри сперва.

– Ну что ты со мной как с маленькой. Я же у вас самостоятельная. Сейчас! Наташенька, подождешь секунду, пока я...

– Подожду, конечно.

Наташа сделала очередной шаг и чуть не повалилась, подвернув каблук.

Динамик взорвался громким невнятным грохотом и умолк.

Наташа застыла, смешно подхватывая пухловатым подбородком чуть не выскользнувшую трубку.

– Мама, – сказала Наташа, сглотнула и крикнула: – Мама!

Она с трудом перехватила телефон, уставилась на экран и нажала повтор вызова. Прижала трубку к уху, послушала короткие гудки, нажала повтор снова, отчаянно вздохнула и бросилась бежать изо всех сил.

Каблуки подворачивались, узкая юбка трещала, но Наташа мчалась, дыша всё громче и не глядя ни вперед, ни под ноги, ни по сторонам. Глядела только на экранчик телефона, выставленного в отягощенной пакетом руке, и раз за разом нажимала кнопки с красной и зеленой трубками.

Алла Михайловна ответить не могла. Телефон валялся на полу прихожей. Трубка, отлетевшая почти на всю длину витого шнура к полуоткрытой входной двери, ныла не коротко, а бесконечно. И так же бесконечно вторил ей почти неслышный, если отойти на шаг, женский стон.

Руки в белых строительных перчатках прикрыли дверь, щелкнули замком и выдернули из телефона витой провод. Трубка приподнялась и снова брякнулась на пол. Гудение оборвалось, уступив звуку шагов и невнятному бормотанию. Стон перешел в сипение и быстрое шарканье по полу.

Наташа мчалась, не разбирая дороги. Мелькали дома, машины ревели клаксонами и визжали тормозами, орали не успевшие увернуться прохожие. У пакетов быстро оборвались ручки, расселась, ахнув, бутылка вина, торт шмякнулся следом, яблоки и апельсины покатились, задорно подпрыгивая, за Наташей, но быстро отстали, чавкнув под колесами напоследок.

Наташа стряхнула обрывки пакетов с рук, перехватила телефон, трясущейся рукой нашла номер и почти закричала сквозь судорожные вдохи, ускоряя бег почти до невозможности:

– Андрей, срочно приезжай к маме! С этими, с группой! Ты говорил сразу звонить, я и звоню! Какой инфаркт! Напали, кажется! На маму! Не знаю, я по телефону с ней, потом в дверь позвонили, а потом оборвалось, и не отвечает! Только что! Я бегу сама! Скорей, да!

Она захлопнула телефон, вбежала в пустой по-прежнему двор хрущевки и отдышалась, упершись ладонью в полукабинку таксофона. Великолепие полностью растерялось: макияж поехал, юбка порвалась, а каблуки качались, как последний молочный зуб.

– Мама, – прошептала Наташа, уставившись на окно третьего этажа.

В приоткрытой форточке лениво полоскалась занавеска.

Почти без остановок Наташа промчалась до третьего этажа, несколько раз вдавила кнопку звонка и тут же, тяжело дыша, полезла за ключами.

– Мама! – крикнула она, врываясь в горький запах квартиры. – Ты где?

Наташа споткнулась о красный корпус телефона. Тот отлетел и грохнул о стену.

Эхом хлопнуло окно в зале, а секундой позже донеслись еле слышный шум падения и сдавленный возглас. Наташа рванула к окну, запуталась в занавеске, прикрывающей распахнутую створку, наконец высунулась почти по пояс и увидела, что по газону уходит прочь, прихрамывая, парень в черном и с капюшоном.

– Стой, гад! – рывкнула Наташа, едва удержав себя от прыжка с третьего этажа.

Парень не вздрогнул, не обернулся и не ускорил шаг.

– Да я сейчас тебя! – взвизгнула Наташа и бросилась к выходу, снова пнув телефон, корпус которого теперь раскололся.

В последний миг Наташа зацепилась взглядом за приоткрытую дверь ванной и остановилась, будто налетев на столб. Она заглянула в щель, словно нехотя.

– Мама, – сказала Наташа жалобно. – Это ты? Это ты?!

За окном нарастал звук сирены.

Всхлипнув, Наташа ввалилась в ванную.

Из подлетевшей к подъезду милицейской машины выскочили трое с пистолетами наизготовку и вбежали в подъезд, бухнув дверью. На шум удивительно быстро подтянулись зеваки – сперва пара старушек, потом соседи помоложе.

Милиционер-водитель, не выключив сирены, обошел машину, захлопнул пассажирскую дверь, не закрытую Андреем, и цыкнул на любопытных:

– Расходимся, спецоперация.

Он значительно оглядел народ, который попятился, но не разошелся, и тоже вбежал в подъезд.

Из окна третьего этажа донеслись шум, гомон и женские причитания. Старушки, задрав головы, жадно внимали, обмениваясь предположениями. Зевак всё прибывало.

Из подъезда выскочил Андрей, растолкал толпу и помчался через двор, вертя головой. Водитель и один из оперативников, выбежавшие следом, поспешно сели в машину. Она с ревом развернулась, едва не зацепив отшатнувшегося в последний момент дедка, и, взвизгнув, понеслась вдоль дома, вопя сиреной. Следом за ней побрел, прихрамывая, тощий парень с пакетом. Из пакета торчал черный капюшон.

Заплаканная Наташа, чуть не наткнувшись на оставшегося оперативника, увлеченного рацией, нетвердо прошла от ванной на кухню, машинально выключила газ, вхолостую бивший из залитой кофейной гущей конфорки под грязной туркой, и замерла у окна, бездумно глядя в небо под затихающую сирену. Парень с пакетом к тому времени из виду уже скрылся.

Всё равно, наверное, Наташа его не увидела бы сквозь слёзы, размазанную тушь и ослепительное солнце, которое светило изо всех сил.

День по-прежнему обещал быть прекрасным.

Не всем обещаниям следует верить.

Часть первая. Заставлять читателя ждать

Глава первая

Главное, говорят, закончить первый курс, и тогда зачетка будет работать на тебя, а не наоборот. Главное, говорят, не отвлекаться, стараться и не обращать внимания на отдельных, ага, так говорят, преподав-дебилов. Главное, говорят, завести друзей, потому что университетские друзья – они навсегда.

Говорят, говорят, говорят. Словами реченными – и потому лживыми.

Главное – не реветь на занятиях.

Не реви, сказала себе Аня и вцепилась в свежие пластыри, прикрывавшие изодранную в мясо кожу вокруг ногтей.

Но как тут не реветь?

Фурсов, подышав, с новой силой затряс Аниной тетрадкой так, что с обложки, кажется, едва не слетел анимешный котик, и продолжил равнодушным скрипучим голосом, будто зачитывая условия задачи:

– В своей работе вы доказали лишь, что ничего не стоите как будущий специалист. Накопили долгов, претендуете на зачет, но красивых глазок для этого недостаточно!

Аня сморщилась и закогтила себя сильнее, чтобы отвлечься. Фурсов продолжал, не глядя на нее, но взмахивая тетрадкой так, что почти цеплял Аню локтем:

– Срез знаний ставит под сомнение ваши, милочка, претензии на статус не то что математика и студента, но даже разумного существа, достойного притяжения планеты Земля.

Аудитория притихла. Тишину прорезал звонкий голос, от которого, кажется, вздрогнула не только Аня:

– А можно без сексизма?

Кажется, Зарема, подумала Аня, но взгляд поднимать не стала – тогда точно слёзы польются. Фурсов, похоже, обрадовался:

– Милочка, в моем возрасте сексизм представляется несколько запоздалым развлечением. Но если вы хотите развлечься и не боитесь, что это помешает учебе, прошу.

И наверняка уставился на группу сквозь толстые очки.

– Присоединяйтесь, пожалуйста. Будем обсуждать сексизм, юбки и права меньшинств, раз уж у нас мозгов не хватает, чтобы избежать арифметических ошибок. Элементарных ошибок, хочу заметить.

– Где я ошиблась-то? – не выдержала Аня.

Вышло сипло и негромко, но Фурсов услышал.

– То есть вы даже не поняли, где ошиблись. Хорошо, я вам сейчас постараюсь продемонстрировать, если, конечно, сумею удержаться в доступной для вас форме...

Аня обреченно повернула к нему голову. По щекам сразу полилось, но было уже плевать.

Фурсов, так и стоя локоть к локтю с Аней, будто в микрострою, принялся торжественно и громко, так, что страницы лязгали как жесть, листать тетрадь, бегая глазами по записям. Листание замедлилось. На пятом лязге Фурсов поднес записи к очкам, нахмурился, захлопнул тетрадь и, покачивая головой, с омерзением уставился на котика с обложки. Фурсов был явно смущен – впервые на памяти группы, а может, и всех групп факультета прикладной математики Сарасовского технического университета, слушавших курс линейной алгебры в последние полвека.

Кхекнув, Фурсов заговорил уже не размеренным, а раздраженным тоном:

– Устроили цирк с рыданиями вместо того, чтобы нормально объяснить, что у вас не первый, а второй вариант.

По аудитории прокатился возмущенный ропот. Зарема, точно, она, еще звонче уточнила:

– То есть нету ошибки?

Фурсов швырнул тетрадь на свой стол. Аня вздрогнула, вскинув руки к лицу.

– Тут всё – ошибка! – проскрипел Фурсов гораздо громче обычного. – Ни даты, ни варианта! Я для кого на первом занятии твердил, что не приму с неправильным оформлением?

– Я болела, – сказала Аня, едва услышав себя.

Но аудитория слышала. Сразу несколько голосов подтвердили сквозь громкий ропот:

– Она болела, точно!

– Запасайтесь здоровьем, – отрезал Фурсов, сразу успокоившись. – Жду завтра первый вариант вместе с... Маркова, вы куда?

Аня, сделав несколько шагов к своему месту, схватила куртку и рюкзак, быстро, почти вслепую от слёз, прошла к двери и выскочила из аудитории, не обращая внимания на окрик:

– Маркова, занятие еще не кончилось!

Распахнутая дверь, скрипя в тон Фурсову, неспешно вернулась к косяку.

Глава вторая

Скрип и толчок заставили Наташу вздрогнуть, отвлекаясь от лысого бородача в телефоне. Трамвай резко тормозил, хотя до остановки осталась еще пара метров. Впрочем, выходить никто не собирался, Наташа была одна в салоне. Входить, кажется, тоже.

На остановке, правда, топталась девчонка, щуплая даже под мешковатой незастегнутой курткой приятного цвета маренго, но на трамвай она как будто не обращала внимания. Стояла на самой кромке, неудобно вывернув голову, будто пыталась рассмотреть мерзлую лужу за пятками.

Трамвай выдал пронзительную трель под записанный голос: «Остановка “Технический университет”. Следующая остановка – “Парк культуры”».

Наташа, наклонившись, посмотрела в сторону кабины. Вагоновожатая сурово пялилась на девчонку.

Ага, подумала Наташа, Аннушка Каренина купила масло и вышла на исходную. Молодец тетка, вовремя заметила. Спасибо ей – не хватало еще опаздывать на работу из-за того, что твой трамвай устроил чокнутой девчонке хрусть и пополам.

Времена, когда хрусть и пополам стали бы именно что работой для Наташи и предметом интересов для широкого круга читателей, миновали давно и безвозвратно. Ссылку про разрубленную девчонку откроет разве что откровенный маньяк – ну или любящая попереживать бабуля, но бабули, хочется верить, новости в интернете и соцсетях не читают. Для них телевидение есть. Если не для них, то для кого еще-то?

Аня смотрела на телефон, плюхнувшийся в слякоть, когда она раскачивалась на краю. Опять забыла застегнуть боковой кармашек на рюкзаке, вот телефон и выпал. И почти сразу отсигналил мессенджером.

Мама, как всегда. Как всегда, в самый подходящий момент.

Трамвай засвиристел снова, и Аня вздрогнула снова, но не обернулась. Она сквозь слёзы смотрела на заляпанный, но вроде целый экран, с которого ушло уведомление, уступив место охряному фону читалки с надписью «Эпилог».

Не дочитала же, вспомнила Аня, терзая пластыри с новой силой. Хотела на паре добить, а этот гад сразу выдернул. Поэтому и кармашек не застегнут.

Ее затрясло от неловкости и холода. Аня запахнула куртку, вытерла салфеткой лицо и отсморкалась, потом присела и попробовала читать, не поднимая телефон. Не вышло: пара грязевых щупалец жирно перечеркнула страницу. Аня двумя пальцами извлекла телефон из жижи, обтерла телефон той же салфеткой, потом новой, и, не вставая, жадно принялась дочитывать эпилог.

Трамвай, улюлюкнув напоследок, пополз мимо, так и не открыв дверей.

Аня не обратила внимания. До конца осталось пять страниц.

Наташа поймала сердито-виноватый взгляд вагоновожатой в зеркале, сочувственно улыбнулась и решительно смела бородача с экрана. Он был интересным, но слишком накачанным и с недоброй искоркой в глазах. Хватит с нас таких искорок, свои девать некуда.

Наташа покосилась на давешнюю девчонку. Та уже убредала прочь от остановки, прижав телефон к уху под скособоченной шапкой. Будут и другие трамваи, девочка, подумала Наташа, попробовала устыдиться этой мысли, но не смогла.

Мессенджер пискнул. Наташа прочитала, заулыбалась и написала: «Конечно, буду. Светке и Лизочке привет. До вечера!».

Аня, хмурясь, дослушала голосовое сообщение, еще раз высморкалась в новую салфетку, откашлялась и на ходу записала ответ:

– Мам, ну лекции же. Всё норм, не болею, кушаю, в шапке. Не вздумай сочинять, что нос заложен или сиплю – я в другой корпус бегу просто. Срез знаний сдала. Я же люблю математику, ты сама говоришь. Вот я и делаю, что люблю.

Она остановилась у входа, рассмотрела указатель «Деканат» на стекле двери и добавила:

– И буду делать, что люблю. Всё, целую.

Аня убрала телефон в карман, поежилась и вошла в здание.

Миновав вахтера, Наташа оглянулась и решила подождать. Следом за ней в издательство ввалился Паша, как обычно, рыхлый и несобранный во всех смыслах. Он тормознул возле охранника на несколько лишних бессмысленных мгновений, но все-таки кивнул ему и прошел дальше, чтобы замереть основательней, уставившись в телефон. Ни трудовой энтузиазм, ни память о релизе, которого третий день ждала от него Наташа, Пашу явно не подгоняли.

Наташу, усердной Немезидой застывшую в паре шагов, он, конечно, не замечал.

Паша поднес трубку к уху и некоторое время молчал, забавно меняясь в лице: из мечтательного оно, перескочив несколько более привычных состояний непонимания и озадаченности, стало удивительно злым. Отняв трубку от уха, Паша, будто не веря, изучил экран, дважды вызвал номер, совсем помрачнел и набрал сообщение текстом.

Ответ прожужжал тут же.

Паша прочитал, помаргивая, выбрал значок записи голосового сообщения, поднес трубку к лицу и заорал:

– Сама ты лузер!

Наташа откашлялась.

Паша, не замечая ее, стер неотправленное сообщение и опять застыл, глядя в экран, – только губы слегка шевелились.

– Я-то лузер, а текст рассылки где? – не выдержала Наташа. – Завтра старт.

Паша вздрогнул и поспешно убрал телефон.

– А, привет. Всё будет. Вечером, максимум – завтра с утра.

– Ох, Пикассо. Подведешь если...

– Наташ, ну когда я подводил, – сказал Паша уязвленно.

Наташа с готовностью выставила руки и загнула правой рукой мизинец левой, заявляя длинный перечень. Паша, махнув рукой, ушел к лестнице.

Глядя ему вслед, Наташа горько сообщила:

– Я – лузер. Во что влезла, а?

Глава третья

Сейчас зевну, понял Салтыков с ужасом, придвинул ежедневник и принялся перемножать столбиком числа и месяцы, левой рукой пересовывая ляссе с заполненных страниц к пустым и обратно. И не забывая, конечно, бросать значительные взгляды на монитор с двумя десятками таких же деловитых лиц.

Не помогло. Придавленная зевота выламывала челюсти, а ноздри распахивала, кажется, до ушей. И как раз курганский коллега завершил доклад про региональную Общественную палату и предупредительно умолк. Наступившую паузу зевок должен был порвать демонстративно и непоправимо. В прежние времена мог спасти приступ кашля, но в ковидных условиях он был совершенно неуместен и граничил с изменой – не Родине, так труду во благо ее. А выключать звук во время конференций по защищенной линии не разрешалось.

Салтыков плотно взялся ладонью за лицо, и тут Варчук объявил:

– Спасибо, с образованием разобрались. Дальше спорт и культурка, первым... так, Пенза первой, затем Сарасовск. Кофе-брейк пятнадцать минут.

– Хорошо, Борис Петрович, – вякнул пензенский коллега, как будто его кто спрашивал, и Варчук ушел с линии.

Салтыков поспешно выключил звук, задрал камеру и зевнул. Яростно, с лязгом и фиоритурным стоном, выворачивая веки и свихнув, кажется, челюсти. Зевнул еще раз, культурно-спортивно, встряхнулся, потянулся, вытер слёзы, сделал контрольный зевок, вяло ткнул в кнопку селектора и спросил:

– Баженов еще ждет?

– Да, Георгий Никитич, – сказала секретарша с интонацией, предоставлявшей начальству богатые возможности для трактовки.

– Упорный. Запускай, только быстро. И кофе мне сделай.

Дверь в кабинет тут же растворилась и возник Баженов – загорелый, подтянутый и в дорогом костюме, на котором даже депутатский значок смотрелся как дизайнерский аксессуар. Это, впрочем, не исключалось: понаделал себе брошек из платины с рубинами и лазурью и вделал в каждый пиджачок, чтобы не перестегивать. С него станется.

Под мышкой Баженов держал папочку, а в руке – чашку на блюде.

– Здравствуйте, Георгий Никитич, – сказал он, осторожно подавая кофе Салтыкову. – Это вам, упреждаем желания.

Салтыков, хмыкнув, приподнялся, принял и поставил на стол кофе, пожал Баженову руку и отхлебнул из чашки.

– Орел, – отметил он. – И как раз вовремя. Борис Петрович сейчас за культуру допрашивать будет. Давай в темпе, что там с журналом? Успеваешь?

– Как и обещал, готовы, – отрапортовал Баженов, выставив папку на случай, если Салтыков решит проверить цифры. – Вообще без бюджетных вливаний. Открываем приветствием шефа.

Салтыков глотнул еще разок и сказал:

– Шефа – ту мац. Сам выступи.

Баженов поднял было бровь, но тут же поспешно кивнул. Салтыков кивнул в ответ и продолжил:

– И насчет «без бюджетных» не горячись, нам тоже интересно культурке порадеть. Главное – подборка Чернавина и тираж до февраля. Вручим Борису Петровичу журнал с дядюшкой – считай, шеф переутвержден.

Баженов показал, что понял. Салтыков, допивая кофе, кивнул на папку.

– КРІ там какой, тыща в бумаге и три – уников?

– Так точно, – подтвердил Баженов, поспешно открывая нужную страницу.

Салтыков, изучив ее, кивнул, откинулся на спинку кресла и благожелательно добавил:

– И про весь холдинг подумаем. Что там у тебя из живого?

– Храню, как велели: печать, реклама, сайт. «Вечерку» по первому сигналу оживим.

– Ой не... Выборы точно без газет пройти надо, а там будем посмотреть. Главное – «Пламя» до февраля, добро?

Баженов кивнул и встал по стойке «смирно для гражданских». Салтыков крепко, с хлопком, пожал ему руку.

– Не задерживаю. Подавайся на тендер, копейку забросим, к лету КРІ сделаете – отдельной строкой заведем. Держи в курсе. Счастливо.

Он зевнул вслед Баженову, встряхнулся и внес в тезисы доклада пункт про хранение богатых культурных традиций на примере возрождения областного литературно-художественного журнала «Пламя», из которого в свое время шагнул в большую литературу великий классик и гордость как советской литературы, так и Сарасовской области Анатолий Чернавин. Менее известный – и этого уже Салтыков, конечно, не скажет, – как любимый дядюшка замглавы администрации президента Бориса Варчука.

Глава четвертая

Печатать, держа ноутбук на коленях, неудобно. Но стол Наташа протереть так и не собралась, а без этого касаться побитой и растрескавшейся лакировки просто опасно: можно поцарапаться, поймать занозу или подцепить какую-нибудь заразу, с тучных времен заждавшуюся шанса распространиться.

Это крыло третьего этажа пустовало лет десять. Его, насколько помнила Наташа, пробовали сдавать после закрытия «Пламени», но арендаторы сбегали, не вытерпев даже пробного срока. Потом издательство вместе со зданием несколько раз переходило к новым владельцам, всё более бестолковым и не имеющим представления о СМИ и полиграфии, так что запустение распространилось и на другие этажи. Потом совместный налет налоговиков и пожарной инспекции разогнал уже и владельцев. Потом издательство досталось Баженову, который немедленно заявил не наполеоновские даже, а македонские, с обеих рук и на ходу, планы. Потом случилась пандемия с официальными и неофициальными локдаунами. А теперь вот планы Баженова резко, что называется, претворялись в жизнь – Наташиными в основном усилиями. Почему именно ее и как так получилось, Наташа не понимала до сих пор. И даже радоваться особо не могла.

Впрочем, радоваться по-настоящему – она давно не могла. Четырнадцать с половиной лет, если точно.

Наташа поежилась от шороха, качнулась в драном кресле, выволоченном из-за стола, вздохнула и приступила к последней странице. Профессионализм не пропьешь. Радости нет, кругом болваны, а на дворе мерзкий ноябрь, но ручки и голова дело помнят – и умеют успевать к дедлайну даже с самыми мутными, политесными и раскланивающимися во все нужные стороны текстами.

Дверь стукнули и тут же распахнули. Наташа попыталась встать. Баженов, весь из себя блестящий и красивый, показал, что не надо.

– Здрасьте, Сан Юрьич.

Баженов сообщил, не размениваясь на приветствия:

– Поздравляю, Наташ. Проект утвердили, деньги дают. Главное, чтобы первый номер вышел до февраля.

– Марта, – поправила Наташа.

– До февраля, Наташ. Губер в первую неделю февраля у Бориса Петровича на ковре, по продлению полномочий всё решается. Он должен показать журнал с подборкой. Показать, как мы его дядюшку любим и помним. Потом, сама понимаешь, смысла уже нет.

Наташа поскущела. Баженов напористо продолжил:

– Но чтобы всё по-взрослому: тираж, движ в сетях, подъем литературной жизни. Сможешь?

Наташа, мотнув головой, заговорила:

– Сан Юрьич, у меня ни людей, ни денег, я из своих за SMM...

– Сказал же, деньги будут. Сможешь?

Баженов смотрел в упор.

Наташа неохотно кивнула.

Баженов очень серьезно сказал:

– Ес-с. Да, обращение губернатора не нужно.

Наташа откинулась на спинку кресла, почти не обратив внимания на угрожающую раскачку, и молча уставилась на Баженова. Тот не смутился:

– Что смотришь? В мое переделаешь. Там готово уже?

Наташа отмотала текст к началу и повернула к Баженову экран ноутбука. Баженов подошел и, не нагибаясь и не вынимая рук из карманов кашемирового пальто, пробежал глазами по строчкам. Наташа аккуратно перелистывала, но Баженов, конечно, дочитывать не стал. Мыкнул, кивнул и заявил:

– Гораздо лучше.

Наташа еле заметно поморщилась. Баженов продолжил, скептически оглядывая кабинет:

– Докрути, под меня заточи. И не затягивай.

Наташа захлопнула ноутбук и застыла, пялясь в потертую крышку.

– Наташ, если не ты, то кто? Не я же.

Баженов улыбнулся, пристально глядя на Наташу. Та не двигалась. Баженов, скрутив раздражение, сообщил:

– Ты спец высшего уровня. Уже не областного, а, считай, федерального. Это если «Пламя» взлетит. В Москве уже знают про наши планы и, как это, всячески приветствуют. И не последний человек в Москве знает, а который губернатор сажает. Во всех смыслах. Так что журнал – только начало. Тут для всего холдинга перспективы широчайшие, а для тебя – особенно. Это что такое?

Он извлек руку из кармана, поднял палец и прислушался. Недалекий шорох повторился.

– Мыши, – коротко пояснила Наташа.

– А почему мне никто?... – начал Баженов и ловко сменил тон: – Ладно. Завтра чистить начнем, все условия дадим, знай работай.

Наташа негромко сказала, водя ладонью по крышке ноутбука:

– Мне бы людей толковых. Одного человечка хотя бы.

– Слушай, ну у тебя уже весь холдинг в распоряжении. Скажешь – гендир прибежит и будет тебе полы мыть. Если кто кобенится, свисти мне, обеспечу.

– Да кого тут...

Баженов договорить не позволил:

– Тут нет – там найди. Из Москвы выпиши. Себя клонируй. Жду текст.

Он, кивнув, вышел.

Наташа, посидев, медленно развернула ноутбук, открыла и снова захлопнула крышку.

Шорох повторился.

Наташа, подобрав слёзы, взяла телефон, повторила последний вызов и поднесла трубку к уху.

– Андрей, я не могу сегодня, – сказала она.

Глава пятая

Сильно раздавшийся за полтора десятилетия Андрей сказал в трубку:

– Говорила же, сможешь. Так и хер бы с ним, нет?

Он подвигал свободной рукой стопку папок рядом с клавиатурой и продолжил:

– Светка готовит, Лизка вечно: где тетя Наташа, чего не приходит? Так завтра напишешь.

Блин. Ладно, ладно, давай без заводов. Нет так нет. А завтра?

Андрей послушал еще немного и вздохнул.

– Добро. Только мы с тебя всё равно не слезем, так что управляйся там поскорей. И без этих твоих... Блин. Прости. Наташ, я говорю: прости. Язык поганый, день тяжелый, Халк вечно что-нибудь. Да хрень, вздрачивание в честь праздника, выборов и остального. Зато в честь праздника, может, пораньше свалим, напьемся и пойдем десантников бить. Одним им радоваться, что ли? Ладно, не пойду. Биг сista. Дома буду твою порцию доедать. Всё, береги себя, не засиживайся, геморрой будет и простатит. Везет тебе. Ну почему только в этом. Держись там. Любим, ждем.

Он снова вздохнул и вызвал другой номер.

– Свет, Наташка не придет. Дела, говорит. А я что сделаю? Нет. Вроде нет. Точно трезвая, говорю тебе. Слушай, она моя сестра. Ну куда-куда. Сами съедим, куда еще-то. Рулет-то? Не сомневайся.

Андрей отложил телефон, решительно отодвинул папки и, снова вздохнув, начал медленно печатать. В дверь всунулся Руслан, деливший с ним кабинет, – как всегда, изможденный, как всегда, в черных джинсах и худи, и, как всегда, чтобы отвлечь в самый неподходящий момент.

– Андрюх, Халк вызывает.

– Сейчас, протокол добыю... – пробормотал Андрей, не отвлекаясь от экрана.

Руслан вошел, чуть прихрамывая.

– Весь личный состав. Строго.

Андрей со стуком отодвинул клавиатуру и поинтересовался:

– Это кончится когда-нибудь?

– Выгонят – кончится, – успокоил Руслан и, подумав, добавил: – Еще сдохнуть можно.

– Я, сука, три дела сдать не могу, потому что каждые полчаса... Опять про зимнее перемирие?

– Про что еще-то. Без всяков, без роста, договаривайтесь, посылайте. Завел и не раскрыл – жопой ответишь.

Андрей раздраженно спросил:

– Вот чего они все на жопе так заиклены, а? Вторую звезду только через нее дают, а дальше самим нравятся? Блин.

Он сохранил и закрыл документ на экране, вышел из системы и встал, подхватив телефон.

– Светка убьет, точно. Наготовила, посидеть хотели, я сестру позвал. Сестра, значит, не может, а теперь и я до ночи явно. Руслан, айда ко мне после работы, а? Хавчик спасать.

– Чтобы Светка и меня убила?

– Да нормально она к тебе, – очень убедительно заверил Андрей.

Руслан ухмыльнулся.

– Я помню. Не, Андрюх, давай сам. Такую форму поддерживать надо.

– Завидуй, дрищ, – сказал Андрей уныло. – Лядащий зиму не переживет.

Глава шестая

Софья ворвалась – и сразу стало тесно, шумно, светло. Аня и не заметила, что уже вечер. А Софья, похоже, не заметила, что соседка сидит на полу перед раскладным креслом, пакуя сумку в почти крошечной темноте. Софья вообще умела многого не замечать, зато всегда добавляла тесноты и шума. Иногда это развлекало, иногда раздражало. Теперь было всё равно.

Софья принялась радостно вещать еще в прихожей, шумно разоблачаясь и гремя всем на свете. В комнату она влетела уже на пике восторженной громкости, брякнула на пол перед Аней яркое картонное ведро и продолжила уже разборчиво:

– Пять, Аньк, и зачет автоматом! А надо-то было трояк! Сказали: ясность слога и острость... Острота! Острота, в общем, мысли делает эссе лучшим на потоке! Ты моя зая острая, спасибо!

Она шумно приземлилась рядом с Аней, звучно расцеловала ее в щёки и обхватила, покачивая. Аня не реагировала, стараясь лишь не рухнуть под напором. Софья бурлила, не придавая этому значения:

– Ты же всегда-всегда будешь творческие мне делать? Ну А-аньчик. Ну Анчу-утик.

Тут Софья все-таки что-то почуяла, отстранилась, вглядываясь в Аню, и испуганно спросила:

– Аньк, что такое? С мамой что-то?

Аня, испугавшись еще сильнее, отодвинулась и сипло пробормотала:

– С ума сошла?

Она посмотрела на сложенные в сумку вещи, выдернула стопку футболок, чтобы вернуть ее на кресло к еще не упакованным свитерам, и замерла, держа футболки на весу. Софья заглянула ей в лицо. Аня отвернулась и заревела, вздрагивая. Хотела тихонько, но не получилось.

– Бли-ин, – протянула Софья. – Фурсов, что ли? Опять не принял? Фух. Я думала, что-то серьезное. Или ты seriously валишь? А ты уезжать вздумала? И отчислилась? И прямо документы забрала? Из-за одного старого мудака?

Аня кивала в ответ на каждый вопрос, рыдая всё горше. Софья вскочила, кипя и подбирая слова, которые клокотали и наружу не шли. Аня, прерывисто вздохнув, пристроила футболки обратно в сумку и потянулась за свитерами. Софья перехватила ее руку и велела:

– Завтра пойдешь в деканат, скажешь, что передумала.

Аня швырнула свитер в сумку, тут же извлекла и швырнула его на кресло. Уронила руки на колени и принялась причитать сквозь слёзы:

– Я всё правильно сделала, мне просто про вариант не сказал никто! А он орет! Сам в маразме, всё путает, ни понять, ни объяснить не может! А они: он заслуженный, терпите, один курс!..

– Ну и терпи, осталось-то.

Аня тщательно вытерла глаза, мазнула руками по джинсам и тихо заговорила, глядя никуда и привычно обдирая кожу сквозь пластыри:

– Я их всех ненавижу. Я ненавижу линал. И программирование. И себя ненавижу. Пошла маму обрадовать, а всем хуже. Зая трусливая. Боюсь всего. Выпилиться и то побоялась.

– Когда, сегодня? Ты что, совсем?..

Софья, охнув, присела и обняла Аню, чуть не обрушив ее на пол. Теперь ревели обе. Софья мычала сквозь слёзы:

– Не вздумай даже, поняла? Сама тебя пришибу, надо будет, а до того – не вздумай!

– Сейчас, думаешь, не надо?

– Дурак ты, – сказала Софья, резко успокаиваясь.

– Трус я, – ответила Аня, тоже переставая плакать. – Сама себя защитить не могу, а другие не хотят. Не нужна никому.

Софья, толкнув ее в плечо, сварливо сказала:

– Хрень не неси. «Никому». Ты болела, все без тебя перезнакомились, вот и всё. Походишь немного – и тоже... Потом, ты мне нужна, между прочим. Как я без тебя теперь? Лучшая на потоке, не хрен собачий.

Она вскрыла ведро и сунула жареное куриное крылышко Ане под нос. Та отвернулась. Софья вгрызлась в крылышко сама, бурча:

– Любимые твои, выморозилась искать. Лан, дальше что? Насовсем домой?

– Маму это убьет, – сказала Аня безнадежно. – Беда, позор, как людям в глаза смотреть, всё вот это. «Я на тебя всю жизнь угробила, лучше бы ты в подоле принесла». Ну, не скажет, конечно, но... Нельзя домой. Ни насовсем, ни временно. А тут что делать?

– Эссе мне писать, – с готовностью подсказала Софья. – Роллы на праздники делать, «Филадельфию» и «Калифорнию». И перепоступать.

Аня дернула плечом.

– У меня ЕГЭ под информатику, с таким набором больше никуда не поступишь. Мама сказала, редактор или критик – это нищета навсегда, поэтому на филфак не вздумай, не повторяй моих ошибок, ага. А досдавать... Не-е.

Она передернулась сильнее.

Софья неловко возилась с телефоном, зажав крылышко в зубах и тыча в экран костяшками жирных пальцев.

– Пока на работу устраюсь, – неуверенно сказала Аня.

Софья осведомилась:

– Полы мыть и чай носить?

– Нет, в инстанциях или сразу в проститутки, – отрезала Аня.

– Во, кстати.

Софья протянула телефон, Аня, не глядя, возмущенно оттолкнула его так, что трубка едва не вылетела из неловкого хвата Софьи.

– Сама туда иди.

– Размечталась, нимфоманка. Смотри-и.

Ане стало неловко. Она, насупившись, сказала:

– Чай носить я точно не буду.

– Молодец, – терпеливо согласилась Софья, показывая экран. – Сисадмином, балда! Рядом вообще, в издательстве, тут пешком можно через парк. Ты не любишь, но можешь же!

Аня приняла телефон, хмуро рассмотрела объявление, проскроллила страницу – и нерешительно улыбнулась. Софья, поспешно обтерев пальцы салфеткой, ухватила сумку, вытряхнула содержимое на кресло, вжикнула молнией и зашвырнула ее в дальний угол.

– Сюда пойду.

Софья заглянула Ане через плечо и прочитала вслух:

– Медиахолдинг приглашает редакторов и копирайтеров. Хм. Это там же, рядышком, конечно... Но кому нафиг нужны сегодня журналы и книжки?

Аня выхватила из ведра крыло, вгрызлась в него и невнятно заверила:

– Мне.

Глава седьмая

Надпись «First media» была напечатана на обычном листке А4. Лист, прилепленный скотчем, загнулся по углам от старости, но на фоне двери выглядел белоснежным. Все двери на этаже и, возможно, во всём здании были древними, покрытыми облупленным шпоном и полосками грязи, будто передразнивавшими древесные узоры. Сине-чумазные стены и неровный линолеум на полу смотрелись не свежее. Высокий потолок, тонувший в полумраке, разглядеть не удалось.

Аня, брезгливо поморщившись, капнула на руки из бутылка с санитайзером, торопливо растерла и собралась было ткнуть костяшками рядом с листком, но, сглотив, сделала полшага назад. Она выдернула телефон, торопливо рассмотрела себя в селфи-камеру, стащила и убрала шапку в карман куртки, пригладила волосы, категорически себе не понравившись и, потоптавшись, собралась было уйти, но все-таки с отчаянным видом постучала раз и другой.

Никто не ответил.

Аня, подождав, огляделась, занесла руку для нового стука, передумала и попробовала толкнуть старую тусклую ручку двери.

Ручка провернулась. Дверь распахнулась. Аня ввалилась в кабинет.

Кабинет был немаленьким, но тесным. Пространство съедали непомерно большие письменные столы позднесоветского образца, с загубленной красно-коричневой полировкой поверх калечных панелей ДСП. Мониторы на столах, громоздкие и лупоглазые, были немногим моложе, офисные кресла компенсировали сравнительную молодость убитым состоянием. Столов было четыре, кресел – три, мониторов – два, человек – один. Зато вопиюще молодой, красивый и элегантный на этом-то фоне. Барышня лет тридцати, яркая брюнетка в броской блузке и с роскошной, по всему, фигурой, бегло набирала текст на розовом, при этом мощном-дорогом-игровом ноутбуке.

Барышня вынула наушник и вопросительно посмотрела на Аню. Та поспешно сказала:

– Здравствуйте, я по объявлению, насчет редакторов и копирайтеров.

– Редактором или копирайтером? – уточнила барышня.

– А кем можно?

Барышня прокричала хриплым шепотом:

– Беги-ите, глупцы-ы!

Аня нерешительно улыбнулась и переступила с ноги на ногу.

Убедившись, что бежать явившийся глупец не намерен, барышня спросила:

– Школу хоть закончила?

– С медалью, – сказала Аня уязвленно.

Барышня, уважительно сыграв бровью, встала, взяла из лотка на дальнем столе и протянула Ане листок и ручку.

– Заполни пока анкету, сейчас Леночка с обеда придет, разберется с тобой. Только про Лангедок не пиши, после третьего раза вообще не смешно.

Аня не поняла, но на всякий случай кивнула, огляделась и нерешительно уточнила:

– А сесть где-нибудь можно?

Барышня двинула изящным пальчиком в сторону ближайшего к двери стола.

– Да вон за этот садись. Можешь, кстати, на компе заполнить, если привыкла, бланк на рабочем столе, принтер вон там.

Она вставила в изящное ушко наушник и нырнула обратно в ноутбук.

Аня села, помялась, встала, сняла рюкзак, осторожно положила куртку на перекошенную спинку кресла, пристроила рядом рюкзак и села снова. Примерившись было к анкете ручкой, она тронула клавиатуру. На тусклом экране медленно проявился текст в ворде. Аня потяну-

лась свернуть его, но, сморгнув и покосившись на барышню, пробежала по строчкам сперва смущенным, потом озадаченным взглядом.

Начинался текст словами «Доброго времени суток всем тем любителям чтения, кто еще не научился читать настоящую Литературу! Ловите самую горячую на данный момент времени новость: знаменитый журнал “Пламя” придет к нам снова!».

Дальше было не лучше.

Аня, поморщившись, убрала файл с экрана, нашла бланк анкеты, заполнила его и вывела на печать. Принтер рядом с пыльным окном завыл и со стуком выплюнул листок.

Аня вернула на экран поразивший ее текст, помедлив, скопировала его в новый файл и принялась быстро редактировать и переписывать – под заинтригованные взгляды, которые бросала на нее барышня поверх ноутбука. Аня их не замечала. Она пробежала глазами новую версию текста, вывела ее на печать и под гудение принтера закрыла свой файл без сохранения.

Аня встала, ойкнув из-за угрожающе мотнувшего спинкой кресла, смутилась, но барышня вроде не обратила внимания. В наушниках же, всё правильно. Аня дошла до принтера, забрала листки и сунула один из них под только что оставленную клавиатуру.

Тут дверь и распахнулась, впуслав полную даму лет сорока и рыхлого верзилу сильно моложе. Они принялись пристраивать верхнюю одежду на вешалку в углу. Дама была в стандартном наряде офисной бухгалтерши, верзила – в обвисшем свитере и бесформенных джинсах. Дама – видимо, Леночка – на Аню внимания как будто не обратила. Во всяком случае, никаких эмоций на кислом лице не отразилось. Верзила делано нахмурился и спросил театральным голосом:

– Кто трогал мою клавишу и измял ее всю?

– Здравствуйте, – сказала Аня, с трудом удержавшись от побега – возможно, лишь потому, что вход был перекрыт. – Я просто анкету... Мне разрешили...

Она поспешно схватила с кресла вещи и продемонстрировала анкету верзиле. Протискиваясь мимо, Леночка выдернула листок, донесла его до дальнего стола, с хлопком уложила возле клавиатуры, веско уселась и сунулась в смартфон.

Аня открыла было рот, но верзила вполголоса сказал:

– Еще пять минут обеда, это святое.

Он, без особого изящества обогнув Аню, плюхнулся в освобожденное ею кресло и чуть не грохнулся, потому что спинка мотнулась аж к плоскости сиденья. С трудом поймав равновесие, верзила повернулся к Ане, улыбаясь и явно готовясь начать расспросы.

Тут дверь опять распахнулась, и ворвалась женщина, возрастом и весом сопоставимая с Леночкой, но куда более яркая и энергичная.

Она подлетела к столу верзилы, проигнорировав отступившую Аню, нависла над ним и зловеще поинтересовалась:

– Дописал?

Верзила суетливо застучал клавишами, гоняя текст туда-сюда. Изучая файл с явным отчаянием, женщина завелась:

– Паблисито, текст до обеда должен был в рассылку уйти, обед прошел, у тебя конь не валялся. И опять эти «доброго времени суток» и «данный момент времени», господи, что за колхоз, Паша, я же просила!

Верзила Паша пробормотал:

– Щас-щас, Наташ, я почти уже.

Он одновременно елозил клавиатурой и мышкой, пытаясь быстро стереть раскритикованные куски. Конфуз не позволил ему заметить, как Наташа выдернула показавшийся из-под клавиатуры лист, распечатанный Аней, хотела отбросить, чтобы не мешал, ухватила глазом первые строки и принялась читать вдумчиво и с явным удовольствием.

– Ну вот же, – сказала она, – ну можешь же.

– Шас-шас, – повторил Паша лихорадочно, – пять минут.

– Какие пять? – изумилась Наташа. – Ты чем обедал, Неруда? Сделал и забыл? Ну прекрасно же всё, молодец. И концовка огонь, как заказывали: «Рукописи не горят, но “Пламя” не гаснет. Пойдем на свет вместе». Не зря я в тебя верила.

Паша, с трудом оторвавшись от экрана, потянулся к листку. Наташа отвела руку, показывая текст издали. Паша вчитался и пожал плечами.

– Это не мое.

– Шутишь. Нет? Юль, неужто ты стариной потрясла?

Барышня показала лицом, руками и, кажется, даже скрытыми под столом коленями, что ни в коем случае. И тут Леночка, переводившая напряженный взгляд с Наташи на Пашу, небрежно начала:

– Я там прикинула, как лучше...

Ее оборвала барышня Юля, передумавшая отмалчиваться.

– Не стариной, – сказала она напористо, глазами указала Наташе, изумленно повернувшейся было к Леночке, на Аню и нырнула в ноутбук.

Наташа всем корпусом качнулась к теребящей пластыри Ане и торжествующе изрекла:

– Ага. Тебя как звать?

Аня попятилась, моргая.

Наташа не отставала:

– За час написала? Быстрее?

Аня смотрела на нее исподлобья. Юля, отстукивая текст левой рукой, на миг задрала растопыренные рогулькой пальцы и обозначила яркими губами слово «минуты». Наташа подняла брови и сделала шаг к Ане.

– Пока переделывала, всё поняла, да? Литературный ежемесячный журнал, запускаем – ну вот сегодня.

Аня неуверенно кивнула. Наташа, кивнув в ответ, продолжила:

– Запускаю я, Наталья Викторовна, для тебя – Наташа. Пойдешь ко мне? Всё по-взрослому, настоящий журнал, ты настоящий редактор. А?

Аня затравленно огляделась. Все ждали ее решения. Все смотрели на нее – кроме Юли, которая, не отрываясь от клавиатуры, прогудела себе под нос:

– Глупцы-ы! Беги-ите!

– Пойду, – сказала Аня.

– Пошли, – сказала Наташа.

Развернулась и шагнула к двери. Аня, помедлив, развернулась к хозяевам кабинета и нерешительно проговорила:

– Простите. Спасибо. А с анкетой еще надо что-то?..

Леночка сладко улыбнулась ей. Юля опять на миг вскинула руку и сделала прощальный взмах. Паша, опустив глаза, стирал свой текст строка за строкой.

Наташа гулко сообщила из коридора:

– Анонимов не берем. Как звать, в последний раз спрашиваю?

– Аня.

И Паша, так и не оглянувшись, сказал:

– Удачи, Аня.

Глава восьмая

Комнатку не открывали лет десять. Дверные петли и механизм замка свыклись с монолитной неподвижностью. За дверью годами стоял стылый мрак, в котором неощутимо оседали миллионы пылинок. Они отслаивались от полвека не беленного потолка и некрашенных стен, от тронутых ржавчиной металлических стеллажей и от сотен папок, конвертов, бандеролек и стопок со старой рыхловатой бумагой. Даже снаружи замочная скважина прикрылась плотным пылевым налетом.

Проковырять его потемневшим ключом удалось не сразу. Но удалось.

Замок долго и мучительно щелкал, до последнего уворачиваясь от крайнего положения. Дверь тоже поупиралась, поддавшись лишь третьему рывку – с обиженным визгом. Десятилетнюю пыльную тьму рассекли и отодвинули полосы рассеянного света из коридора, переложенные двумя длинными тенями – широкой и узкой.

Наташа полюбовалась уходящими под потолок стеллажами вдоль каждой из трех стен узкой каморки и сообщила:

– Ух сколько. Всё наследие «Пламени», с советских времен и до последних, конца нулевых. Видишь, полки подписаны? Вот с этим тоже тебе, Ань, разбираться. Но – в последнюю очередь.

Она щелкнула выключателем, без толку, и провела рукой по кромке полки с покоробившимися наклейками «1986», «1987», «Карикатуры 1990–1995». На ладони остался длинный серый хвост пыли. Наташа брезгливо отряхнула руки. В свете из коридора за клубились густые облака. Аня чихнула и испуганно полезла за салфеткой.

– Будь здорова, – сказала Наташа. – Тут весь архив журнала: подшивки, оригинал-макеты, черновики, рабочие материалы, принятые рукописи, переписка с авторами и так далее. Как с пакетом для рассылок и SMM закончишь, берись за это. Надо хотя бы приблизительно понять, что нам досталось-то.

– Это просто описать надо, по содержимому? Или... полностью оцифровать?

Наташа посмотрела на нее с укоризной.

– Ань, ну мы же не звери. Полностью если – тут работы на три года минимум. Да и не надо никому. Ты концепт перезапуска поняла?

– Ну да, связь времен, ростки будущего в прошлом и так далее.

Наташа кивнула и пояснила:

– Соответственно, в каждом номере – ну, в первых точно, – будет свежак, это раз. Пульс и свежее неровное дыхание текущей сарасовской культуры, значит. Второе – будет типа классика из старых номеров «Пламени». Журнала в сети нет, вообще, никто не додумался оцифровать, так что можно хоть целиком перепечатывать, всё равно уникальный контент. Ну и будут, в-третьих, жемчужины из портфеля старой редакции – что не смогли напечатать по политическим и каким-то другим причинам, или просто не успели.

– Понятно, – сказала Аня. – И на мне второй и третий пункты?

– Пока только третий, и то не сразу. Тут интуитивно понятный интерфейс: в папках – вышедший и отработанный материал, в пачках – отвалы породы. А это явно последний самотек, не сортированный еще.

Наташа сняла с вершины одной из пачек несколько рукописей и принялась листать, морща нос, щурясь и поясняя:

– Ага, перспективные тексты тут сразу видно, они с закладками, уже проще ориентироваться. «Печать Иуды». Ой-й. Борцы, трибуны, обличители. Вот такое вот, ну и всякий бред и порнуху, рубрика «Горячие язычки “Пламени”», я бы сказала, непризнанные гении такое

любят, – ты, короче, не смущайся, а сразу выкидывай. Год-то какой, с ума сойти, это ж мне сколько было...

– Я только родилась, – сказала Аня.

Наташа посмотрела на нее с уважением.

– Молодец. В первый день начальницу старухой назвать – это свидетельство огромной беззаветной храбрости.

Аня смущенно хихикнула. Наташа продолжала, просматривая всё новые папки и стопки бумаг:

– В общем, полистай без фанатизма, можешь даже с сотрудниками того «Пламени» созвониться, вдруг подскажут чего. Телефоны я дам. Главред-то помер давно, но замы остались. Хотя что они помнят, сто лет прошло, даже ты родиться успела. Ну и в маразме, поди, все. Да и сама справишься, там надо-то... О, мемасики.

Она продемонстрировала пачку карикатур. Аня вежливо кивнула и сказала:

– Я, наверное, с архива начну.

– Имеешь право. Но главное – раскрутка в сетях. Возрождение легендарного журнала силами вонючей рекламной шарашки, бла-бла-бла. «Вонючей» не надо. А рубрика «Из неизданного» – уже вторая задача. Подбери на полгодика где-то.

– То есть шесть текстов.

– Плюс-минус. Находишь внятное – мне показываешь, печатаем.

– А... Баженову? – уточнила Аня.

– Сам увидит, – отрезала Наташа. – Он освобожденный мужчина-главред-депутат. Пахать – нам, это как...

Она вдруг запнулась и пояснила другим тоном:

– Аньк, есть шанс в четыре руки сделать круть, какой пятнадцать лет не было. И не будет, коли у нас не получится. Чего ты?

Аня, улыбаясь, показала ей экран телефона.

– Группы уже зашевелились. Про подписку вопросы и «куда рукописи слать». О, как раз: «Сохранился ли архив?».

Наташа, изобразив радостное удивление, констатировала:

– Народ хочет знать. Ответь, как я учила. И про архив – да, скажи, ждите, бойтесь.

– Хорошо. А современные тексты не на мне?

– Разве что с публицистикой поможешь, – сказала Наташа, безуспешно отряхивая руки.

Аня поспешно протянула ей санитайзер и крем для рук, Наташа приняла, благодарно кивнув, и продолжила:

– Классиков и современников у нас хоть подмышкой жуй, сама сейчас увидишь. Тридцать три богатыря и пятьсот богатырей, и у каждого чумадан великих произведений.

– Ой.

– Ладно еще журнал безгонорарный, но и за славой очередь такая, что только отпинывайся. Еще бы они в большинстве не были адской графоманью... Впрочем, не будем о грустном, будем о печальном. Реанимацию «Пламени» Баженов придумал и выбил, это его личная игрушка и немножко красивый фан для властей, типа они культурные, продвинутые и так далее... О, фотки – это круто. Хорошее фото полномера спасет. Но с ними разбираться надо, с авторскими правами такие замуты бывают – засудят и три шкуры снимут. Прибери пока.

Аня приняла несколько пухлых конвертов с крупными черно-белыми фотографиями и показала, что готова благоговейно внимать дальше.

– Так вот, о Баженове. Он всё обосновывал, с губернатором, спонсорами и так далее договаривался. На нем и политическая часть. А современные тексты – это как раз политика, политес, вернее. Всех уважить, сама понимаешь. Поэтому половина первого номера будет про Чернавина, он у нас главный писатель всех времен и народов области все-таки... Читала?

Аня виновато покрутила головой, потихоньку изучая рукописи, которые почтительно держала перед грудью.

– Придется. Сочувствую. Он ничего такой на самом деле, с водкой не потянет, а вот под самогон и балалайку вполне. Ох, сопьюсь я с ними, точно сопьюсь. Ладно, пошли печенки и чай к собранию наших полуживых классиков разносить. Ты чего?

– Всё нормально, – сказала Аня, подавив вздох.

Наташа объяснила, пытаясь захлопнуть непослушную дверь:

– Писатели обычно страшно прожорливы. Особенно с досады, что водки нет. А, на будущее: нападёт писатель – выпить не давай. Сгинешь.

Справившись с дверью и замком, она вручила ключ Ане и устремилась в конец коридора. Аня с трудом убрала ключ в карман и с еще большим трудом убрала руку от рукописей, за которые хотелось взяться немедленно. Она счастливо вздохнула, извлекла телефон и зашагала за Наташей, на ходу набирая ответ на вопрос в соцсети.

Нельзя заставлять читателя ждать.

Читатель ждал в темной зашторенной комнате странного убранства: на тросике, натянутом вдоль стены, висели плечики с очень разной одеждой – пиджаками, униформой, спецовками и повседневной, среди которой не нашлось бы разве что черного худи. В углу стоял стеллаж, уставленный причудливой коллекцией современных головных уборов, от бейсболок и ушанок до полицейских фуражек и строительных подшлемников. На полу вокруг стеллажа теснилась разномастная обувь.

Небольшой стол у окна был подсвечен экраном ноутбука. Экран занимала страница группы «Журнал “Пламя”» в соцсети. Страница была полупустой: несколько старых обложек и релиз, завершающийся словами «Рукописи не горят, но “Пламя” не гаснет. Пойдем на свет вместе». Под релизом висели всего два комментария.

Первый – «Полина: А сохранился ли архив журнала? Я предполагаю, оттуда можно много интересного взять».

Второй – «Николай: какие тексты принимаете?)))).»

Под вопросом Николая заморгал значок, сигнализирующий, что кто-то печатает ответ. Через секунду он явился: «Журнал “Пламя”: Николай, файл с требованиями к текстам прикреплен к описанию группы».

Мужчина, неподвижно сидевший перед ноутбуком, рассматривал ответ очень долго, – а потом принялся набирать текст в телефоне, лежавшем на колене. Отправленное сообщение звякнуло.

На экране ноутбука вспыхнул ответ Николая: «понял спасибо».

Мужчина положил телефон на стол и принялся набирать в ноутбуке реплику от имени Полины: «Буду признательна за содержательный».

Значок «Собеседник печатает ответ» заморгал снова.

Мужчина стер текст и перешел в режим ожидания.

Он умел ждать, отслеживать перемены и использовать обстоятельства. В этом отношении за четырнадцать лет ничего не изменилось.

Он и сам не слишком изменился с тех пор, хотя даже Наташа, которая до сих пор время от времени видела его в кошмарных снах, вряд ли узнала бы его. Ведь видела она только черное худи, которое убийца ее матери с тех пор не носил.

Часть вторая. Извлечь из архива

Глава первая

Редкие машины жужжали за черными окнами, под потолком звенела древняя люминесцентная лампа, а плотно закрытая дверь всё равно пропускала неровный бубнеж из торцевого зала. Леночка медленно и громко тюкала по клавишам, явно заполняя таблицу, на которую поглядывала с утомленной ненавистью. Паша стрекотал почти беззвучно.

Юля, насладившись звуковым сопровождением реальности, не стала возвращать наушник в ухо, а убрала его в футляр вместе со вторым, захлопнула ноутбук и глянула на циферблат фитнес-браслета. Пора. Она встала, сунула ноутбук в сумку, у двери надела пальто и сказала, внимательно изучая себя с помощью селфи-камеры телефона:

– Я в мэрию и в водоканал. С Му-му рядом и ищите, если что. Споки ноки.

Юля сделала ручкой. Паша махнул в ответ. Леночка не отреагировала. Юля вышла, неплотно прикрыв дверь. Это добавило громкости, но не внятности напористым речам далеких ораторов, перебивающих друг друга.

Леночка прекратила печатать и сообщила с глубоким чувством:

– Школа клоунов. Мало нам было Наташкиных хохмочек, потом Юлька у нее нахвата-лась. А теперь еще и этих подвезли. Они каждый день вопить будут?

– А я бы послушал, – сказал Паша. – Журнал, настоящий! А не наша хрень рекламная...

– Эта хрень рекламная тебя кормит, – напомнила Леночка. – «Вечерки» нет, забудь. И журнал этот – ненадолго; набалуется и грохнут. Кстати, из пресски звонили про волонтеров. Я сказала, завтра модуль будет.

– Сказала – значит, будет.

– Влетишь, – предупредила Леночка. – На всю зарплату.

– Ай, сколько той зарплаты-то...

– Уж побольше, чем в «Вечерке» было.

Паша вздохнул. Леночка ужаснулась:

– Неужто поменьше?

– Меньше не бывает в принципе. Всё равно жалко. Там я делом занимался, а не этим вот.

Он со стуком отодвинул клавиатуру. Кресло попробовало разложиться. Паша спешно выпрямился.

– Радуйся, что такое есть и что платят... – предложила Леночка, оборвала себя раздраженным жестом и вернулась к таблице. Паша опять прислушался к далекому спору – и завозился, чтобы встать, не роняя себя и всё вокруг.

– К Наташке попрошусь писать, – пробормотал он. – Если соплюху взяли без опыта... Без сисек даже...

– У тебя с сиськами еще хуже, – заметила Леночка.

Паша придвинул клавиатуру и тут же в сердцах ее отодвинул. Леночка ехидно улыбнулась таблице и посоветовала:

– Ну вот и объедините размеры. Поклонись ей, приглянись, станешь звездой литературы. Если через этих бесноватых пробьешься.

Она кивнула на дверь. Далекий спор звучал чуть громче.

Глава вторая

На столике за опустевшими блюдами и бутылками выключились, синхронно щелкнув, два бурлящих чайника. Полтора десятка человек вокруг, в основном пенсионного возраста, бурлили, не собираясь выключаться. Аня осторожно скользила между ними, то и дело останавливаясь, чтобы уберечь от опрокидывания поднос, уставленный колоннами бумажных стаканчиков и разномастными коробками с печеньем и пакетным чаем. Беречь было непросто: гости были буйны и в речах, и в жестах, а комната, издевательски названная конференц-залом (причем, скорее всего, не раньше сегодняшнего утра), оказалась рассчитанной на чопорные посиделки, а не на дискуссии в жарком, тем более мобильном режиме. Но писатели повскакали почти сразу, и вернуть их в сидячее положение оказалось невозможно. Каждый, похоже, считал, что убедительность выступления прямо пропорциональна громкости и высоте, с которой оно льется. Самый приземистый дедок, натурально, подпрыгивал на ударных моментах выступления, которого всё равно никто не слышал, потому что почти все выступали одновременно и напористо.

Было громко, жарко и невыносимо тесно. Тесноты добавляли высоченные, по грудь, стопки газет и листовок разной степени древности, громоздившиеся возле двери, а также верхняя одежда, которую гости то и дело поднимали, нечаянно сбросив со спинок хлипких складных стульев. От одежды несло табаком, потом и несвежестью, от гостей – тем более.

Аня с трудом обогнула самого несвежего, кажется, и самого громкого оратора – крупного старика с лысой макушкой и седыми прядями до плеч. Пряди были засаленные, как и коричневый костюм, под который старик поддел пестрый свитер. От одного взгляда на него становилось душно, а от воплей еще и тошно – и от интенсивности их, и от смысла. Аня, как и все присутствующие, накрепко запомнила, что это Дарченко Максим Эдуардович, глава местного Содружества писателей, автор множества публикаций в центральной прессе и местных сборниках, а также дипломант кучи премий с нелепыми названиями. Сборники, вырезки и дипломы он притащил с собой в здоровенном драном пакете, но от мысли козырять ими отказался, обнаружив, что половина гостей подготовилась к встрече столь же основательно.

Дарченко решил брать горлом.

– Магистральным направлением нашего общего журнала должно стать патриотическое воспитание! – проревел он.

Голос у Дарченко был надреснутым, но зычным.

Публика вскипела, причем только часть невнятным словом, а другая – активным действием, как по команде бросившись к чайному столу. Видимо, многие заинтересованно следили за дрейфом Ани сквозь писательские торосы и отдельные ропаки. Над столом замелькали шерстяные, кружевные, заштопанные рукава, из которых торчали столь же разнообразно постаревшие пальцы, с одинаковым проворством расхватывавшие печенье, пакетики с чаем и бумажные стаканчики.

Аня, едва успев увернуться от сцепленной пары одетых в черное старушек, чуть не попала под размашистую струю кипятка – ее в стиле удалого бармена метнул себе в стаканчик бритый наголо пузатый мужик средних лет с ироническим прищуром, – и вжалась в угол, глядя и слушая с безнадежным ужасом. Наташа ободряюще кивнула ей из противоположного угла и вернулась к негромкой беседе с Баженовым.

Баженов был одет неброско, но дорого, и вообще смотрелся очень чужеродно, – Анина мама называла такое строчкой из древней эпиграммы, «капля “Шанели”, попавшая в щи», – но чувствовал себя абсолютно уверенно. По-хозяйски, как и положено.

Выслушав Наташины пояснения, Баженов улыбнулся и показал ей, что пора закругляться.

Попробуйте-ка Дарченко закруглить, подумала Аня.

А Дарченко ораторствовал:

– Только наставление подрастающего поколения в духе верности памяти отцов спасет наше уставшее и разочарованное общество!

Коллективный громкий, но невнятный ответ прорезал пронзительный голос смешно выраженной в драп и кружева детской писательницы Бирюковой:

– А матерей?

– Не цепляйтесь к словам! – отрезал Дарченко. – Я говорю о вечных ценностях, не надо тут этих феминизмов и толеразмов!

Боже, подумала Аня, – и тут гомон перекрыл бас из соседнего угла:

– Прошу прощения, у меня тупой прагматический вопрос. Вот просто тексты, без воспитания, толеразма, патриотизма и сорокалетней выдержки, к рассмотрению принимаются?

Дарченко, как и остальные, нашел глазами обладателя баса, мускулистого красавца модельного вида в черном, – вот и «Under Armour» к «Шанели» в наших щах, отметила Аня, – и снисходительно поинтересовался:

– Вас как величать, молодой человек?

Красавец поводит лопатками по стене и неохотно признался:

– Клим.

– Открою вам, юный наш дружок Клим, творческий секрет: не бывает «просто текстов», – принялся вещать Дарченко, накручивая себя с каждым словом. – Наша миссия – противостояние ржи зла, коя давит всё сильнее с каждым днем! Недаром сказано: «Довлеет дневи злоба его»!

На последних словах он взвизгнул так, что на секунду повисла пауза. И в этой паузе все услышали, как Аня хихикнула – и тут же испуганно замолкла, вцепившись ногтями в пластыри.

Дарченко, пригвоздив ее мутноватым взглядом, пожевал губами и отчеканил:

– Вы бы лучше старику чайку налили, чем хихикать над священными словами, которых не понимаете, милочка.

Милочка, повторила про себя Аня сквозь незнакомое леденящее чувство, поднявшееся от легких к глазам.

Дарченко был совсем не похож на преподавателя линала Фурсова. Но это внешне. Внутри они совершенно одинаковые. Старые самоупоенные болваны, ценящие единственное удовольствие – унижать других, чтобы самим себе показаться возвышенными.

Аня отвела взгляд от тихо всполошившейся Наташи, шагнула к столу и принялась размеренно излагать, наливая кипяток и окуная в стаканчик вынутый из коробки пакетик:

– «Довлеет» значит «хватает», «дневи злоба» – злоба дня. Всё вместе значит «Каждому дню достаёт своих забот». Мировое зло тут ни при чем. Осторожно, горячий.

Дарченко обалдело принял от Ани бумажный стаканчик, набирая воздух для отповеди. Наташа с Баженовым переглянулись.

Дарченко, старательно скривившись, начал сквозь болботание публики:

– Если бы молодость знала!..

Его оборвал Клим, серфивший в телефоне:

– Так и есть, «своих забот хватает».

Он поднял руку с телефоном, демонстрируя экран. Будто в пандан ему поднял руку Баженов.

– Коллеги, минутку внимания!

Он с улыбкой выждал, пока уляжется гомон, и продолжил:

– Вкратце подытожим. Возрожденный журнал «Пламя», конечно же, будет развивать традиции матерей, отцов и вообще всё хорошее и доброе. Мы убедились, что культурный потен-

циал области по-прежнему грандиозен. Всем нам, как верно отметили, будет дозвѣть. Осталось выбрать. И пусть победит сильнейший.

Публика осторожно переглядывалась, выискивая сильнейшего.

– Этим и руководствуемся при отборе, не забывая о балансе традиций и современности. «Пламя» возгорается из разных искр.

– Господь, жги всех, – вполголоса отметил Клим.

Наташа сурово уставилась на него. Клим потупился. Баженов усмехнулся и вышел на финишную:

– Стартовую коммуникацию будем считать налаженной. С конкретными вопросами лучше обращаться к моему ассистенту Наталье Викторовне Тобольковой, прошу любить и жаловать.

Он указал на Наташу. Несколько человек подхалимски зааплодировали, и громче всех, конечно, Дарченко.

Наташа кивнула и сделала полшага вперед.

– Еще раз спасибо огромное, что пришли. Нам правда стало легче понимать, где мы находимся и как сделаем первый шаг. Мои контакты в раздатке, внизу листочка – ну, бумажки, которые вы брали на входе.

Слушатели закивали, некоторые принялись шуршать бумажками, подслеповато всматриваясь в мелкие буквы.

– Сайт журнала предполагается запустить с нового года, но во всех соцсетях мы уже есть. Подписывайтесь, лайкайте, делитесь, участвуйте, информация будет постоянная и интересная. Заниматься этим будет Анна Маркова...

– Да все уж будем заниматься, изо всех сил, – перебил ее Баженов. – На этом, коллеги, первую встречу общественного совета журнала «Пламя» объявляю состоявшейся и закрытой, всем спасибо!

Народ, поаплодировав, разобрал вещи и побрел к выходу под вялую беседу. Баженов повернулся к Наташе.

– Ну что, по-моему, всё чудесно. Будет о чем доложить. Молодец.

– Стараемся, Сан Юрьич.

– Так и надо. Первый номер собран?

– Сперва вы должны утвердить...

– Утвержу, утвержу. Еще что-нибудь срочное? Мне просто бежать...

– По второму номеру и дальнейшим вопросам, – твердо сказала Наташа, подзывая Аню. – Вот, познакомьтесь с Аней, она будет помогать с обработкой и подбором...

Баженов повернулся к Ане, лучезарно улыбаясь и собираясь что-то сказать, но не успел. В локоть ему вцепился топтавшийся рядышком Дарченко и повлек Баженова к двери, размахивая свободной рукой в такт словам:

– Александр Юрьевич, вы очень правильно сказали про традиции и новое. Мы нашим творческим союзом всегда пытаемся сочетать, потому смело готовы побороться за место на страницах...

Очередной взмах Дарченко снес стопку газет, возвышавшуюся у входа. Колоды слежавшихся листов посыпались на пол, цепляя и обрушивая соседние стопки, и разъехались по всему полу. Дарченко растерянно осмотрелся и поспешно сказал:

– Простите, бога ради, я собираю.

Баженову пришлось удерживать его от немедленного приседания.

– Ой, ну что вы! Помоложе есть специалисты, им и карты в руки. Э-э, вот вы, наведете ведь порядок?

Он смотрел на Аню, улыбаясь. Наташа незаметно вздохнула и пообещала:

– Наведем. В четыре руки быстрее.

Она присела и смела газеты в первую стопку. Баженов сказал:

– Нет-нет, Наталья Викторна, вы со мной, пожалуйста, пару моментов обсудить надо.

Наташа, не без труда поднявшись, водрузила собранную макулатуру поверх кипы и посмотрела на Аню, пожав плечами. Та кивнула.

Баженов улыбнулся ей еще лучезарнее.

– Спасибо, э-э...

– Аня Маркова, – отчеканила Наташа.

– Спасибо, Анечка. Дневи злоба, увы.

Баженов с Наташей вышли. Следом поспешил Дарченко, напоследок смеривший Аню победным взглядом.

Ни чай носить, ни убираться – ни в жизнь, подумала Аня тоскливо, присела и начала скучивать бумажный хлам.

Глава третья

Релиз не давался. Не было в нем смысла (как и во всём остальном).

Леночка давно ушла. Постылый кабинет звенел пустой заброшенностью, коридор и бывший секретариат, спешно переименованный в конференц-зал, кажется, тоже. Голоса оттуда больше не доносились.

Паша набрал очередную фразу, стер ее и отправился к Наташе.

Он постучал, дернул ручку, огляделся и прошел к конференц-залу, заглянув по ходу в пару приоткрытых дверей, за которыми высились баррикады бумаг и старой мебели.

За дверью конференц-зала было повеселее: среди разбросанных газет гусиным шагом перемещалась, пыхтя и хмурясь, Аня. Паша не сдержал злорадной улыбки, устыдился этого и дернулся помочь, но услышал цокот каблуков в дальнем конце коридора. От лестницы к своему кабинету шла Наташа. Паша поспешил ей навстречу.

– Наташ, отвлеку на секунду?

– Топал-Паша, потом, может? – утомленно сказала Наташа. – Занята очень.

– Да я быстро.

Наташа, вздохнув, отперла дверь, виновато глянула в сторону конференц-зала и вошла в кабинет. Паша устремился за ней, не заметив, конечно, что вслед ему смотрит застывшая в позе лягушки Аня. Она чихнула, потерла нос запястьем и вернулась к работе с удвоенной злой энергией.

Наташа прошла к столу, уселась в некотором отдалении от него и указала на ободранный стул.

– Садись.

– Да не, я так, – сказал Паша, переминаясь у входа.

– Хорошо, только давай быстрее. Правда – времени нет совсем.

– Ага. Наташ, короче, я к вам хочу. В «Пламя», в смысле.

– В штат? – деловито уточнила Наташа.

Паша обрадовался и испугался:

– Да. Нет. Как-нибудь. Писать, короче, для вас.

– В штат не получится, – отрезала Наташа. – Штата тупо нет. Я да Анька вот теперь, всё. А писать – Полли, это без мазы. Гонораров нет, а если будут, то копейки совсем.

– Я понимаю. Готов. Мне по приколу.

– По приколу, – повторила Наташа безнадежно. – Пабло, родной, ты полстранички рекламы из себя неделю давил, как Чехов раба, да так и не справился... Чего же по приколу натворишь? Очнись, пожалуйста.

– Понял, – сказал Паша. – Ладно.

Он развернулся к двери и взялся за ручку. Наташа взглянула на него с жалостью и потянулась к сумке с ноутбуком, но тут же вернулась в исходное положение. Паша заговорил, не поднимая головы:

– Наташа, я журналист. Не лучший. Нормальный. А нормальный журналист рекламу писать не умеет. Любая умная девочка умеет, а журналист не должен. Это, сука, запаadlo. Я фактуру рою и излагаю. Я что, виноват, что негде излагать? Я, что ли, все газеты и сайты?..

Он резко умолк, махнув рукой, и открыл дверь.

Наташа, нахмурившись, окликнула:

– Павел, погоди.

Паша застыл, не оборачиваясь. Наташа, подумав, заговорила медленно и будто через силу:

– Первое. Гонораров нет, как я и сказала. Пока, а там посмотрим. Второе: темы – свои, эксклюзив, без прыжков и ужимок. Криминал – значит, строго криминал, но без дерзостей. Третье – это не информашка в газету, не выпердыш в «дзен» и не лонгрид в «телегу». Это – материал для литературного журнала.

Паша медленно повернулся к ней, расплываясь в улыбке. Наташа продолжала:

– Четвертое. Не в ущерб основной работе. Не хватало мне предьяв от рекламщиков: «Из-за тебя Паулюс госконтракт с мэрией завалил».

– Да сдал я всё, – счастливо возразил Паша.

– Вообще не волнует. Не для того я от вас удирала, чтобы опять в курсе быть. Последнее. Согласование и сдача – через Аню. Она мелкая, без опыта и т. д., но это она определяет, годятся ли тема, заявка и итоговый текст. Первая и последняя инстанция. Согласен – договаривайся с ней. Нет – извини.

Наташа извлекла из сумки ноутбук, раскрыла его на коленях и уставилась на экран, больше не обращая внимания на Пашу. Тот, подумав, вышел, мягко прикрыв дверь.

Наташа бросила на дверь быстрый взгляд, вздохнула и попыталась сосредоточиться на тексте. Безуспешно. Она извлекла из сумочки телефон, положила его на клавиатуру, открыла приложение знакомств и принялась смахивать с экрана фото старательных мужчин.

Паша вышел в темный коридор, сунул руки в карманы и понуро размышлял с полминуты. Потом вскинул голову, посмотрел в левый и правый концы коридора, резко развернулся и замахнулся для мощного удара по двери Наташиного кабинета, но сдержался.

– Да ну их нахер, – прошипел Паша и решительно зашагал в сторону своего кабинета.

На полпути он остановился, развернулся и так же решительно зашагал к конференц-залу. Паша постучал в закрытую уже дверь и распахнул ее с деловитым:

– Аня, можно?..

Он некоторое время всматривался в пыльную темноту, затем прикрыл дверь и снова сунул руки в карманы, привалившись к стене в размышлении, унылом и почти беспросветном, как коридор, упирившийся в широкое облупленное окно, за которым висел тот же унылый сумрак, изредка проколотый или подвинутый далекими фонарями, люстрами и светляками экранов.

Даже зная, куда именно смотреть, почти невозможно было различить совсем тусклое зашторенное окно, которое обозначал на стене только отсвет мимоезжих машин. Комнату за шторами подсвечивал лишь экран ноутбука, на котором мелькали вкладки браузера, закрываемые одна за другой. На вкладках можно было напоследок разглядеть фотографии здания издательства, его схемы, текст «Распространение огня в административных зданиях» и кадры с трупами в форме охранника.

Змей – он предпочитал, чтобы его называли так, хотя называть было особо некому, – выдохнул клуб пахучего пара, проскроллил вверх-вниз группу журнала «Пламя» в соцсети, убеждаясь, что новых комментариев не появилось, – и вдруг трижды выбросил перед собой кулак. На втором выпаде тускло блеснул торчащий между пальцами узкий клинок, на третьем его как не бывало.

Змей встал и сразу будто канул во тьму. Пошуршав там, он вернулся к столу в куртке и бейсболке, козырек которой затенял лицо.

Змей убрал в карман телефон и выключил ноутбук, мелькнув зажатými в кулаке белыми перчатками строительного вида. Разнеслись и опали в темноте звуки обувания и щелчки замка. Комната на миг осветилась слабенькой лампой с лестничной площадки.

Дверь хлопнула, убрав свет. Остались мрак и тишина.

Глава четвертая

Аня, растирая руки, вошла в свой кабинетик – пыльный, обшарпанный и захламленный, как и весь этаж. Сейчас этого можно было не замечать: каморка освещалась только старой настольной лампой. Конус света выхватывал из темноты живописную кипу рукописей на древнем столе с побитой полировкой. Было в этой картине что-то фламандское, разве что черепа не хватало.

Аня подошла к столу, посмотрела на рукописи, на почерневшие пластыри, на мутное окно – и длинно вздохнула. Она очень устала сегодня.

Аня проверила время на телефоне, положила его на стол, сняла со спинки кресла куртку, попутно щелкнув выключателем, и завозилась в темноте, одеваясь. Это оказалось непросто; досадливо бормотнув, она нащарила телефон и включила фонарик. Свет, пометавшись, выхватил кусок потолка, который с жужжанием пополз к двери. Аня замерла в ужасе, пока луч, кувыркнувшись по стене, не стукнулся об пол.

Лишь тут она сообразила, что ей звонят. Аня, задышав, присела, схватила старательно вибрирующий телефон, погасила фонарь и ответила на вызов по громкой связи – совсем громким шепотом:

– Соф, чего трезвонишь среди ночи? Испугала!

– Тебя устроили бояться по ночам на полставки? – деловито поинтересовалась Софья.

Аня еще раз проверила часы, мотнула головой и смущенно объяснила:

– Тут темно просто.

– А ты голая, понятно. И занята очень, поэтому на сообщения не отвечаешь.

– Тут просто дел навалилось сразу – собрание, архив, и я... В смысле голая? Да ну тебя нафиг!

– А тебя на что, прости? Теперь понятно, почему маме про работу не говоришь.

Аня, хихикнув, присела в кресло и, естественно, зацепила краем куртки стопку бумаг на краю стола. Папки посыпались на пол. Аня ойкнула. Софья спросила:

– Это был возглас наслаждения или ужаса? Ань. Ань!

Аня, присев, попыталась собрать всё на ощупь, не преуспела, встала и включила свет, пояснив с досадой:

– Да тут пирамиды рушатся, прости. Из бумаги.

– Понятно. Из ценной, надеюсь. Ждать тебя сегодня?

– Ага, уже выхожу. Ставь чайник.

– Слушаюсь, моя госпожа. Может, встретить тебя? Голос у тебя чего-то крипи-крипи.

– Не сочиняй, – отрезала Аня. – И пару печенек мне оставь хотя бы. Всё, давай, я выдвигаюсь.

– О, спасибо, что напомнила, бегу доедать. Пока-пока.

Аня отложила телефон, некоторое время разглядывала разметавшиеся по полу бумаги, вздохнула, быстро собрала их в кипу подальше от края стола и потянулась выключить свет. Рука застыла в воздухе и легла на верхнюю папку-скоросшиватель, серого картона, заманчиво древнюю, пухлую и строгую по сравнению со скучными пластиковыми или растрепанными стопами на скрепках.

Аня открыла ее, быстро пробежала первые строки, подняла бровь, перелистнула несколько пожелтевших страниц, хмыкнула, закрыла папку и аккуратно положила ее на пол рядом с креслом. Сдержать легкое кряхтение при этом не получилось: физические упражнения еще в школе давались Ане с трудом.

Она взяла вторую рукопись, пробежала начало, перебросила несколько листов, хмыкнула громче и уже не так бережно водрузила поверх первой забракованной папки. Взяла третью,

вчиталась, застонала и разжала пальцы. Папка шлепнулась поверх первых двух и криво сползла на пол. Аня глянула вниз, явно выбирая между необходимостью поправить конструкцию и нежеланием трогать рукопись снова. Победила брезгливость.

Аня отряхнула руки, вынула из кармана санитайзер, но, прежде чем пустить его в дело, без особой надежды открыла очередную папку, выглядевшую поновее, пластиковую голубую. И неожиданно рассмеялась.

На титульном листе пачки, схваченной стандартным скоросшивателем, стандартным же шрифтом «Times New Roman» значилось: «У.К.-В. Недостойский. Наказание преступления».

Аня, ухмыльнувшись, открыла первую страницу и начала читать. Улыбка постепенно сошла, лицо стало внимательным, потом озадаченным. Аня перевернула страницу и, не отвлекаясь от чтения, медленно уселась в скрипнувшее кресло, убрала санитайзер и крем, потом так же медленно выбралась из куртки, не глядя расстегнула сапожки и стащила их.

Она забралась коленками на кресло и с детской жадностью пожирала текст, упершись локтями в стол. Аня часто дышала, пальцы бродили по виску, будто поправляя несуществующие очки. Другой рукой она прижимала уже отлистные страницы, которые норовили закрыться и отбрасывали на строчки густую кривую тень. Аня досадливо дернула рукопись ближе к лампе и, нахмурившись, перечитала: «Игра в изысканнораскиданный бисер, затеянная запятнанными краской листами и плотнокартонными объемами в мрачно зловонном аппендиксе за прямой лифтовой кишкой, сулила материальный выигрыш только неполноценному разумом существу».

Аня мотнула головой и решила: нет. Не так. Просто: коробки и пачки газет рассыпались по темному закутку за лифтом.

Глава пятая

Коробки и пачки газет рассыпались по темному закутку за лифтом. Свет из окон над лестничными пролетами сюда почти не доходил, зато были слышны возня, сопение и постукивание.

Квартирная дверь щелкнула замком и медленно раскрыла небольшую щель, перехваченную цепочкой. На площадке светлее от этого не стало: в квартире висел такой же полумрак, совсем не разбавленный излучением бормочущего телевизора.

Старуха, одетая в просторный цветастый халат, сердито рассмотрела из-за цепочки парня в синей униформе. Тот ползал по плиточному полу, собирая газеты и то и дело задевая плечом, каблуком, коленом стенку, дверь квартиры или лифта.

– Чего надо? – спросила старуха строгим басом.

Парень замер в неловкой позе, встал на колени и распрямился. Стопка собранных было листов тут же рассыпалась, порхая в разные углы.

– Я от мэрии, – сказал он почему-то чуть нараспев, виновато следя за одним из листов. – Пенсионерам подарки к празднику разношу. Упаковка лопнула. Простите, сейчас соберу и дальше пойду.

– Какому еще празднику?

– Так День пожилого человека.

– Он же осенью вроде.

– Всемирный осенью, а наш сейчас.

– Вечно у них так, – пробурчала старуха и не выдержала: – А что за подарок?

Парень пожал плечами.

– Не знаю, тут упаковано. Электроника какая-то, дополнительные каналы ловить вроде. Ну и газета с лотереей, она беспроигрышная, пятьсот рублей или тысяча. Мелочь, конечно...

Старуха перебила:

– Ничего себе мелочь. Пара таких мелочей – и полпенсии моих. Я вообще-то пенсионер, мне-то полагается подарок?

– А какая квартира?

– Шестая, написано же.

Она ткнула пальцем над цепочкой в сторону цифры на двери.

Парень, сдержанно кряхтя, встал, извлек из кармана на животе листок, сделал шаг к лестнице, ловя свет из подъездного окна, и изучил список. Парень был невысоким и тощим, не дерзил и явной угрозы не представлял, но старуха всё равно следила за ним в оба.

– Да, есть такая. Хорошо, что сказали. Вот.

Он подобрал одну из коробок, положил на нее газету, подошел к двери и протянул старухе.

Коробка в щель не пролезала. Парень, повертев, аккуратно поставил ее у порога и сказал:

– Потом возьмете.

Старуха метнула взгляд на коробку, на парня, снова на коробку и с подозрением спросила:

– А расписаться где-нибудь?..

Парень махнул рукой, огляделся и, помявшись, поинтересовался:

– Простите, а у вас ненужной веревочки нет? Ну или пояска там, провода. Мне бы связать, а то не дотащу.

– Поищу, – сказала старуха и захлопнула дверь.

Она щелкнула замком и некоторое время стояла, прислушиваясь, в чистенькой полупустой прихожей, где всей обстановки – половичок, рядом пара обуви, на вешалке плащ и зонт,

чуть дальше столик с телефоном. Болботание телевизора здесь было громче, но из-за двери всё равно доносились возня и шорох. Старуха, стараясь не шуметь, сняла цепочку, медленно и почти беззвучно отщелкнула замок, приоткрыла дверь и выглянула.

Парень ползал, выстраивая стопки вдоль стены.

Старуха открыла дверь пошире, с трудом нагнулась, схватила коробку с приклепнутой сверху газетой, затащила добычу в прихожую и с еще большим трудом выпрямилась.

Она бросила опасливый взгляд на дверь и сосредоточилась на коробке. Распаковать ее оказалось непросто: ногти скользили по скотчу, в несколько слоев залепившему все щели и кромки так, что поди найди кончик, который можно уцепить.

– Там ножом лучше, – сказал парень. – Помочь?

Старуха вздрогнула и развернулась ко входу. Парень стоял в проеме приоткрытой двери, натягивая строительные перчатки, и разглядывал старуху из-под длинного козырька. Странно разглядывал, как будто ласково, – хотя понять выражение полускрытого лица было непросто.

– Сама разберусь, – отрезала старуха, стараясь не дрогнуть голосом. – Вам чего еще?

– Веребочку, говорю же. Эх, жаль, халат у вас без пояса.

Старуха, моргнув, сделала шаг к телефону. Парень обрадовался:

– О, точно. Телефон. Можно же провод взять.

Старуха, опешив, посмотрела на телефон и спросила с возмущенным изумлением:

– А как, интересно, я звонить буду?

– А никак, – пропел парень почти нежно. – Тебе и не надо больше.

Он захлопнул дверь ногой и стремительно шагнул к старухе.

Глава шестая

– Добрый вечер, – донесся мужской голос от двери.

Аня вздрогнула и едва не грохнулась с кресла, на котором так и стояла коленями. Облепленные грязным пластырем пальцы зашарили по рукописи будто в поисках защиты.

– Анна, простите, не хотел пугать, – поспешно сказал Паша. – Я Павел Шевяков из «First media», мы виделись давеча, вы еще помогли там с текстом...

Аня взгляделась в еле различимый силуэт, прерывисто выдохнула, вдохнула и ответила, злясь больше на себя, чем на визитера:

– Здрасьте. Я помню, конечно. Спасибо.

Она неловко завозилась, садясь, как принято в учреждениях, и вслепую ловя сапожки.

– За что спасибо-то? – удивился Паша, осторожно приближаясь к столу:

Аня смущенно пояснила:

– Без вас меня бы и не заметили.

– А. Да ну, ерунда. Вас бы по-любому заметили, там по одной строчке сразу всё видно. Не то что у меня.

– Павел, ну что вы такое говорите.

Паша, размашисто показав, что хватит, пожалуй, об этом, зацепился штанами за угол невидимого в темноте стула – микрошеренга выстроилась возле стены, лишив пространство возможности вольного маневра. Он чуть попятился и решительно сменил тему:

– У меня маленький вопрос, точнее, предложение по «Пламени».

Аня моргнула.

– С этим к Наташе лучше, наверное.

– А она как раз к вам сказала.

– Да? Ну, если недолго, а то поздно.

Услышав разговор в кабинетике Ани, Наташа остановилась у приоткрытой двери. Молодежь беседовала, не замечая ее. Вернее, вещал преимущественно Паулито, но Аня слушала увлеченно и перекладывала его гон не столь холодными, как надеялась Наташа, репликами.

– ...Не-не, какая поэзия. И не проза. Лонгрид такой, без понтов, тру детектив, можно даже мини-сериалом как раз, про бандитов или еще кого, – излагал Паша с ловкостью и жаром, которых так не хватало его текстам. – Я же только сейчас копирайчу, так-то три года на криминале сидел, пока «Вечерка» не закрылась. Ну и сверху команда пошла про преступность особо не писать. Народу, говорят, это не надо.

– Тогда и «Пламени» не надо, наверно? – предположила Аня.

Наташа одобрительно кивнула. Паша не смутился:

– Про прошлое-то можно. Губер и мэр сменились, ментовское начальство тоже, у них же ротация. А следки остались, рассказать могут всякое. Я спрашиваю, если в принципе идея про лонгрид изжоги не вызывает. Ну или цикл можно сделать: самые знаменитые налеты, самые крупные хищения и так далее. Я бы как-нибудь повернул, чтобы не скучно.

Он посмотрел на Аню с плохо скрытой мольбой, так раздражавшей Наташу.

– Ну... – протянула Аня неуверенно. – Это интересно, наверное.

Наташа, раздраженно мотнув головой, ушла к лестнице.

Паша решил не отвлекаться на удаляющееся цокание. Надо ковать, пока горячо.

– Очень, – заверил он. – Я-то мелочевку в основном писал: бытовуха, массовая драка, вице-мэра арестовали и так далее. Но жсть тоже попадалась. Нормально покопаться – на цикл хватит, «Декстер» типа или Харри Холе.

Аня оживилась:

– О. Я как раз вроде этого читаю, из архива «Пламени», рукопись про маньяка. Если на очерк наберете, можно рядом с ним этот роман дать, хотя бы фрагментами. Крипово получится, жизнь круче вымысла и наоборот.

– Кстати, – одобрил Паша. – Вымысел-то огневой?

– Начало жесть, не оторваться, потом хуже. А стиль вообще...

Аня передернула плечами, открыла страницу, заложенную полоской бумаги, и с выражением прочитала:

– «И строгость его воли, сбросив с плеч много лет копившуюся тяжесть грез и несбывшихся снов, выскребла наконец постоянно ноющую язву в душе и, незримой искрой пробежав по проводу, пересекла» – именно «пересекла» – «ток ее дыхания». Такоэ. И запятые наугад все, естественно.

Пока она читала, Паша сперва улыбался, потом принялся хохотать, чем дальше, тем громче, покачиваясь на слабеющих ногах.

– Повествование как бы от лица убийцы, – объяснила Аня, едва удерживая смех. – Серийного. Причем «Алиэкспресс» этот кринжит страницы с двадцатой, а начало спокойное. Пугающее так... всерьез.

Паша продышался и сказал, вытирая слёзы и заболевшие щёки:

– Чума. Но жаль, что только начало знойное, я бы про серийника на нашем материале почитал. И жаль, что у нас такого материала не было.

– Думаете, жаль? – уточнила Аня с удивившей ее саму игривостью.

Паша смутился:

– В смысле, писать особо не о чем. Ну, вы поняли.

Человек, стоявший за голым деревом через дорогу от входа в издательство, проводил взглядом Наташу, еще раз обежал взглядом темный фасад, вынул телефон, скопировал номер со страницы журнала «Пламя» в соцсети, нажал иконку вызова и поднес трубку к уху.

Глава седьмая

Петр Карпович отложил журнал со сканвордом и неодобрительно уставился на телефон. Телефон был зеленым, древним и подмотанным такой же древней красной изолентой – наверное, еще праправахтером, работавшим в издательстве в куда более славные, но всё равно не слишком богатые времена.

Орала реликвия пронзительно. Звонок, ревербируя, обегал все углы сумрачного холла и ссыпался к конторке охранника и следующей трели. Правда, следующая трель случалась не всегда – днем звонок перехватывали бухгалтерия и рекламная служба, в которых еще сохранился городской телефон. Да и проклятые спамеры давно добрались до ведомственных номеров и названивали круглосуточно. Такие вызовы сбрасывались после третьего звонка, поэтому Петр Карпович, с трудом сдерживаясь, ждал четвертого.

На сей раз дождался и схватил трубку.

– Охрана.

– Это издательство? – уточнил мужской голос. – Здравствуйте. А могу я с редакцией поговорить?

Хулиган или пьяный, подумал Петр Карпович, голос издевательский, напевает будто, и отрезал:

– Нет, не можете. Звонок на охрану пришел, значит, в редакции никого. Вы в какое время звоните-то, пораньше надо было.

– А в «Пламени» тоже никого?

– Как? – удивился Петр Карпович, поводит пальцем по списку арендаторов, который и так помнил наизусть, и отрубил: – Нет тут никакого «Пламени».

– Журнал «Пламя», литературный, – терпеливо протянул собеседник.

Не издевается, а всегда так говорит, как вьетнамец, сообразил Петр Карпович с легким сочувствием, заодно и вспомнил:

– А! Был такой вроде, но сто лет как закрыт. Нет никаких журналов тут давно, и газет тоже.

– А архив когда работает?

– Архив? Молодой человек, мне откуда знать? Утром по этому же номеру... Алло. Алло!

Он строго посмотрел на трубку и опустил ее на рычаги. На окна вокруг дверного тамбура он не смотрел. И даже если бы смотрел, не увидел бы, конечно, сквозь отражающее холл стекло человека в темной одежде, неторопливо переходящего улицу и хромающего всё заметнее по мере приближения ко входу. И уж тем более не разглядел бы, как человек в такт шагам потряхивает правой рукой в белой строительной перчатке, и между пальцами через раз высовывается черенок чайной ложки, заточенный, как клинок.

У самого тротуара Змей притормозил: в холле издательства, видном ему через окна, появились две фигуры. Они на пару секунд задержались возле дедка на вахте – прощались, видимо, или сдавали ключи, – и временно исчезли из вида, очевидно, направившись к дверям. Змей, уткнувшись в телефон, деловито пошел по пяточку перед крыльцом в сторону, противоположную парку, – там не было ни стоянок, ни остановок, так что вероятность того, что эти двое направятся следом, невелика. Услышав хлопок двери, он включил фронтальную камеру и убедился, что два силуэта, повыше и помельче, действительно двинулись к парку.

Змей развернулся к крыльцу и опять замер, освещенный светом фар. На площадку перед издательством въехал микроавтобус с надписью «СанЭпидемСтанция». Из него вывалились несколько мужичков в объемистой спецодежде и при респираторах.

Один, не медля, направился в здание и вступил в веселую, похоже, беседу с дедком. Остальные деловито выволакивали из распахнутой кормы микроавтобуса канистры и шланги. Огибая их, Змей замедлил шаг. Мужичок помельче с готовностью отвлекся на него:

– Крысок-мышек травить будем, пока ночь. Рядом живете? Жалобы на паразитов есть?

Змей, мотнув головой, продолжил движение. Далеко впереди маленькая фигурка, кажется, кивнув крупной, ушла к освещенному проспекту Мира. Крупная, постояв, побрела в обход Кировского парка со стороны подзабытой в ходе юбилейного ремонта аллеи Славы.

Змей, опять включив фронтальную камеру, бросил прощальный взгляд на издательство. На первом этаже уже светились все окна, и теперь под них поочередно подлаживались окна второго этажа.

Змей снял и убрал перчатки в карман вместе с клинком, раскопегарил вейп, выдохнул облако пара и пошел прочь, не замечая, что теряет хромоту с каждым шагом.

Глава восьмая

Наташа медленно толкала по почти пустому супермаркету почти пустую тележку: на дне скорчились обезжиренный творог, пачка молотого кофе и упаковка зеленого салата. У алко-стеллажа Наташа замерла, не отрывая глаз от строя водочных бутылок, но почти силой передвинула себя к полкам с вином и задумалась.

Скучающая кассирша издали полюбовалась мизансценой, сверилась с часами в телефоне, хмыкнула и громко сообщила в пространство:

– Отпуск алкоголя прекращается в двадцать три ноль ноль!

Наташа будто не услышала.

Кассирша на тот же манер добавила:

– Местное время двадцать два пятьдесят четыре!

Наташа, покосившись на нее, выхватила из шеренги ближайшую бутылку, поставила ее в тележку и направилась к кассе, на ходу извлекая из сумочки зашумевший телефон. На экране появился мужской портрет, под ним сообщение. Наташа замерла, сосредоточенно покусывая губу.

Выпрямившаяся было кассирша опять откинулась на спинку кресла и подала сигнал сучавшему в углу охраннику. Тот посмотрел на Наташу, на часы и придвинулся поближе.

Наташа, обдумывая каждое слово, напечатала ответ, развернула тележку, вернулась к стеллажу, поставила бутылку на место и, подмигнув кассирше, нашла и вызвала номер в телефоне.

– Эль, приветик, – сказала Наташа. – Прости, что поздно, вопрос жизни и наоборот. Других не бывает, точно. Завтра полчаса для меня не найдется? Укладка, всё. У меня обстоятельства, да. Двойной счетчик. Ну прости. Ты понимаешь. А что делать. В пять? Шик. Спасибо, родная.

Она подкатила тележку к кассе и разгрузила, широко улыбаясь. Кассирша, поймав взгляд Наташи, показала глазами на стойку с презервативами. Наташа, оглянувшись, отмахнулась со смешком:

– Первое свидание, не положено.

И добавила, понизив голос:

– У меня их склад уже. Склад!

Кассирша кивнула и сказала, метнув испепеляющий взгляд на охранника:

– Вот что им еще надо, идиотам? С вас пятьсот семьдесят пять. Оплата по карте?

Она провела платеж и вернула карту со словами:

– Пожалуйста. Удачи, подруга.

– Всем нам, – откликнулась Наташа.

Аня ахнула и, распахнув глаза, выбросила руки перед собой. Пальцы в свежих пластырях мелко дрожали в такт срывающемуся дыханию. Через несколько секунд руки опали на одеяло, легкие перестали свистеть, а сердце с пулеметного темпа перешло на автоматный.

Аня, не шевелясь, повела глазами. Она лежала в привычном, вполне удобном и совершенно безопасном кресле, разложенном в положение кровати. Комнату заливали тишина и темнота, которую чуть расталкивал лиловым огоньком телефон возле подушки: что-то несрочное в мессенджере или паблике. На полу рядом с рюкзаком приткнулся учебник литредактирования, растопыренный вложенными вместо закладки очками. Софья сопела на диване.

Аня сердито задвинула телефон под подушку, тем же движением поворачиваясь на бок, закрыла глаза и быстро уснула.

Змей, застыв перед ноутбуком, вглядывался в экран. На экране было темное мутное фото с парой едва различимых силуэтов на крыльце издательства.

Змей смотрел очень долго и совершенно неподвижно. Наконец он выпустил изо рта пар, почти невидимый в полумраке, и принялся увеличивать фото, пока расплывчатая фигурка с серым пятном вместо лица не заняла весь экран.

Змей изучал это пятно, не шевелясь и, кажется, не дыша.

Часть третья. Это про нас книжка

Глава первая

Аня затащила высокую стопку рукописей в кабинетик, водрузила ее на крайний стул в ряду уже заставленных кипами старой бумаги и чихнула. Нахмурившись, взяла верхнюю папку и некоторое время баюкала, не раскрывая и глядя не на нее, а в сторону стола. Выдохнув, будто перед нырком, она решительно хлопнула папку обратно, села за стол, выдернула верхний ящик, извлекла оттуда рукопись в голубом скоросшивателе, бережно выложила перед собой, открыла и нырнула в чтение, попутно расстегивая сапожки.

В косяк открытой двери постучала Наташа.

– Архивариус в собственном соку. Привет-привет. Ты плачешь у окна?

– Здрасьте, – сказала Аня, стараясь не смутиться. – В смысле? А надо?

– Поколенческий гэнг в чистом виде, – отметила Наташа. – Ладно, и так вижу, что сильная женщина. Girl's power! Пошли, поможешь рельсы укладывать.

Она унеслась с цоканием. Аня, недоумевая, обулась, спрятала рукопись в стол и побежала следом.

Рельсы оказались, как и положено в пределах издательства, древними газетами и листовками. Теми самыми, что Аня частично собирала с пола накануне вечером. Но их правда надо было укладывать – на широченную низкую тележку, припаркованную у входа в конференц-зал. В проем тележка никак не проходила, Наташа с Аней убедились в этом, покорячившись в попытках придать транспортному средству диагональные и иные несвойственные положения. Пришлось действовать по схеме, сработанной, по словам Наташи, еще рабами Рима: выхватывать из колонны стопу, выносить на порог и бережно укладывать на тележку. Вдвоем это вправду было и легче, и менее противно: не требовалось прижимать пыльные пачки бумаги к животу.

– Мышь попадетса – не ори, – предупредила Наташа, кивая, чтобы Аня взялась за очередную кипу со своей стороны. – И я попробую сдержаться. Раз-два-а. В ночи... Санэпидстанция... Травила... Порожек, осторожно. Ставим.

Они аккуратно, без шлепка, опустили на тележку гигантскую стопу газет и пошли за новой кипой.

– Нет чтобы сперва хлам вывезти, потом травить. Или хотя бы на дам тяжесть не сваливать. Сильный пол, блин. Раз-два.

– Можно было Павла подтянуть, – предложила Аня. – Крепкий такой вроде.

– Так нет его. Все крепкие задним числом, а как переднее понадобится – оюшки, никого. Так и не послала его вчера?

– А надо было?

– Предполагалось, честно говоря, такое развитие событий, – сказала Наташа напористо. – Так, берись здесь, вместе. Раз-два-три.

– Он интересное... предложил... Ретро-криминал такой, детектив... или, как это... Процедурал.

– Ох. Пышный про-це-дурак. Кладем. Ань, ну ты же видела, как он пишет.

Аня сдаваться не собиралась.

– Видела. Скучновато, но мысли есть, это главное.

– Шпаргалка моя была, поэтому мысли, – объяснила Наташа. – А от души он, как любой криминальный репортер, приучен излагать шершавым языком релиза, «нигде не работающий ранее судимый», да еще с юморком мусорским. «Удалая парочка охотников за чужими кошель-

ками, выходя в изрядном подпитии на большую дорогу, еще не подозревала, что не одобренные законом приключения обернутся» – ну и так далее.

– Я послежу, чтобы так не было, – сказала Аня. – И предупрежу.

Наташа вздохнула.

– Ну, сама смотри. Проще-то послать, я его с этим намерением к тебе и отправила. А ты добрая, оказывается. Вот беда-то. Но еще не поздно.

Аня, мотнув головой, упрямо добавила:

– Там же еще интересно можно отыграть: текст Павла рядом с романом из архива, там как раз криминал.

– Ух ты, – оживилась Наташа. – Не зря я в тебя сразу поверила. Нашла все-таки жемчужину.

Они плюхнулись на тележку очередную кипу газет и отдышались, незаметно разминая плечи. Обе выглядели усталыми, но бодрелись.

– Ну, как – жемчужину. Начало – огонь, скандинавский нуар, но как бы у нас здесь. А потом автор включает Достоевского и немножко Крестовского. Стыд и ошибок куча.

– Эх, – сказала Наташа искренне. – Автор известный вообще?

– Вряд ли. Там псевдоним, тупой. И название фейс-палм.

– Эх-эх. А «у нас здесь» – это где, в Саратове, в области, в России?

Аня, подумав, с сожалением сказала:

– Не уточняется. Город наш, но не наш.

Наташа сделала восхищенное лицо, Аня, хихикнув, пояснила:

– В смысле, российский, но чтоб прямо Саратовск – не уверена. Придуманный, конечно. Местами хорошо, местами совсем буэ.

– Пичалька. Привязка к месту или там к реальным событиям спасает, даже если херово написано. Ладно, раз начало хорошее, возьмем его. И финал сразу.

Аня виновато сказала:

– Я до финала не дошла. Стиль все-таки мешает, дебильный, и ошибки всё время исправить хочется. Потом, я бумажные книги для себя сто лет не читала, только учебники. Рукописи тем более.

– Привыкай. Сама выбрала.

– Ага. Он там в середине вообще Сологуба дает, но получается всё равно «Проза.ру». Очень жаль, конечно, вы правы.

– Задолбала выкать. Штрафовать начну.

Аня, снова хихикнув, поспешно кивнула. Наташа на секунду замерла и осведомилась:

– Слышь, мать, Сологуба и Крестовского же нет в школьной программе. И в программе программеров, хе-хе, тем более нет. Ты зачем их читала? И зачем с такой базой не на филфак пошла?

Аня повела плечом и с неохотой объяснила:

– Учителем не хочу, а остальная филология помирает.

– Помрешь мудрым не по годам неучем, – одобрила Наташа.

– Книжку в гроб не положишь, это моя бабушка говорила. А я думала: вот умрешь, я тебе в гроб обязательно...

Аня умолкла и заморгала, глядя в пол.

Наташа мягко сказала:

– В общем, ввязалась – добивай. Куски хорошие есть – прелестно, их и возьмем. А если Павэл-сэбя-нэ-по-товарищески нормальный лонгрид нафигачит – ох, сомневаюсь... Но ты права, они друг друга подопрут. Синергия, минус на минус и так далее. И не суетись, времени еще полно.

Глава вторая

Время тратилось удивительно быстро и бестолково.

Доверенные источники из пресс-службы УВД давно разбежались, а новая начальница – судя по голосу, инстадива, как это теперь принято в силовых ведомствах, – принялась снисходительно допытываться, есть ли у Павла Шевякова вообще опыт сотрудничества с правоохранительными органами, а потом предложила прислать по факсу официальный запрос с подписью и печатью журнала «Пламя».

Факс Паша последний раз видел лет десять назад, в существовании печати «Пламени» был совсем не уверен, а в бесполезности официальных запросов убедился еще в прошлой жизни. Отвечают на них длинными бесполезными отписками, к тому же на всякий случай жалуются начальству на непрофессионализм и наглость журналиста.

Поэтому Паша просто пошел в УВД ножками. Он рассудил, что уж поздороваться-то ни один следак, размягченный вчерашним профессиональным праздником, не откажется, тем более с корреспондентом, с которым общался сто лет назад, – а дальше уж как разговор сложится.

А он никак не сложился.

В здание Паша прошел без проблем, не пришлось даже размахивать просроченным удостоверением давно не существующей «Вечерки». Дежурный сержант за стеклом время от времени окидывал холл пронзительным взглядом, который, впрочем, не цеплялся ни за Пашу, ни за старичка и нескольких теток, подпиравших дальнюю стеночку. Теток в несколько приемов забрали с собой выскочившие из-за турникета сотрудники в штатском, старичка, пытавшегося невразумительно скандалить, осторожно вывела и отправила на такси (видимо, домой) пригожая капитанша. Место выбывших почти сразу занимали новые ходоки.

Наконец показалось знакомое лицо – с улицы, расстегивая куртку, вошел следак, который как-то слил Паше смачные подробности про тетку, зарубившую сожителя. Следака звали Русланом, фамилия вроде Бирюков или Банников, но как бы с опечаткой, сам немногим старше Паши, по итогам предыдущего взаимодействия не должен был остаться в обиде, поэтому выглядел идеальной зацепкой. За прошедшие годы Руслан особо не изменился: такой же тощий, в черных джинсах, черная же худи под темной курткой, – а хромал он, возможно, уже тогда, забылось просто.

Паша рванул навстречу ему, протягивая руку:

– Руслан, здравствуйте! С прошедшим! Я Павел Шевяков из «Вечерки», мы с вами как-то общались, если помните...

Руслан пожал руку, чуть замедлив шаг и ожидая продолжения. Павел торопливо начал:

– Я для журнала «Пламя» готовлю статью о резонансных преступлениях...

Руслан, не слушая дальше, ускорил шаг и, махнув удостоверением, проскочил сквозь турникет.

Красиво, подумал Паша, глядя ему вслед с презрением. Хоть бы звук издал, гаденыш. Чтoб тебе и на вторую ногу хромоту поймать, подумал Паша, и тут же отвлекся на вышедшего сквозь турникет подполковника, полного, седоватого и с улыбочкой. Его имени Паша не помнил в упор, но вроде встречал на пресс-конференциях и мероприятиях, которые бегал освещать.

– Здравствуй, товарищ подполковник, – сказал он, подавая руку. – С прошедшим. Я Павел Шевяков из «Вечерки», у меня просьба к вам.

– Из «Вечерки»? – удивился подполковник, не выпуская руки. – Она же не выходит больше.

Паша смущенно засмеялся.

– Да, к сожалению, но я-то оттуда. Сейчас для журнала «Пламя» материал готовлю, во славу органов, про резонансные преступления, и большая просьба к вам...

– Это через пресс-службу, порядок такой, – сказал подполковник, по-прежнему фиксируя Пашину ладонь.

– Да она отфутболивает, вот я и решил напрямую, – признался зачем-то Паша, хотя уже понял, что толку от подполковника не будет, а вот вред – запросто.

– Понятно, – сказал подполковник, улыбнувшись пошире. – Отойдем-ка.

Он отвел Пашу, как детсадовца, за так и не выпущенную руку к застекленному сержанту, которому довольно звучно приказал:

– Моисеев, вот этого товарища запомни, пожалуйста. Журналист несуществующей газеты, сенсации ищет. Больше сюда не пускать, наглеть начнет – оформляй.

Он отпустил наконец руку Паши и сказал, улыбаясь совсем безмятежно:

– Свободны, молодой человек. Пока.

Паша посмотрел на него, на резко усилившего лицевую бдительность сержанта и сказал, вытирая ладонь о штаны:

– Вы чего ссыкливые такие стали, а? Есть что скрывать, да?

Подполковник немедленно убрал улыбку и спросил:

– Тебя прямо сейчас оформить?

А сержант вскочил и, уставившись на подполковника, поднял трубку старого телефона.

Паша, мотнув головой, быстро зашагал к выходу, чувствуя спиной взгляд двух пар глаз. Взгляд был не пугающим, просто мерзким, как пушистый налет на мусоре. А Паше даже дверью в сердцах шарахнуть не удалось: как раз для таких, похоже, случаев стоял мощный доводчик.

Отойдя от УВД подальше и с трудом успокоившись, Паша полез в записную книжку телефона, а потом и в давно забытый файл с контактами, сохранившийся, к счастью, в почте. Он набирал номер за номером – следakov, дознавателей, оперативников, помощников прокурора, от отчаяния даже фейсу одному звякнул, хотя зарекался не раз. Всё без толку: несколько абонентов оказались недоступными, остальные с разной решимостью, но отказались – рассказать, встретиться и вообще пообщаться.

Согласился только фейс, обрадовавшийся Паше как любимому кузену, но тут уже Паша сообразил, что речь пойдет совсем не о давно забытых днях, и вряд ли из этой беседы удастся когда-либо выпутаться, поэтому поспешно наврал что-то невнятное и развесистое про рекламный текст к спартакиаде военнослужащих, сумел нагнать на собеседника скуку и сумбурно распрощался, а потом на всякий случай внес номер в черный список. Так себе защитное заклинание, конечно, но других, если не бежать подальше, уже и не бывает.

По ходу бесед Паша высадил половину батареи, испагал весь центр города, осип, порядком продрог и потерял всякую надежду. Начало смеркаться, машин прибавилось, времени не оставалось – завтра надо было ехать в район собирать материал для спецпроекта «Сарасовская елочка», затеянного мэрией в связи с неумолимым приближением новогодних праздников.

Паша давно знал Наташу и не очень ее любил, но помнил, что она держит слово, а пустобрехов не терпит. Соответственно, шанс у Пашиного текста, каким бы он ни получился, есть – особенно с учетом того, что Анька девка хоть мелкая и невзрачная, но вроде понимающая и добрая, вредничать при рассмотрении не будет, а может и помочь с редактированием. Но если текста или хотя бы его плана, способного обрасти фактурным мясом, не будет в течение дня-двух, то и шансов никаких не возникнет. Больше никогда. Придется сдыхать бессмысленным копирайтером – ну, или уходить в курьеры.

Паша почти смирился с такой перспективой и последние звонки совершал уже на автомате, бездумно повторяя ритуальные фразы – приветствия, поздравления, представления и пояснения цели, к которой стремится, – и уже безо всяких чувств жал отбой после неизбежного отлупа. Так, наверное, чувствуют себя наказанные стажеры колл-центров, банковских и

бандитских, посаженные на «холодный» обзвон без какой бы то ни было перспективы отклика. И когда предпоследний, кажется, и самый, получается, мусорный звонок обернулся внезапным: «А, Павел, помню-помню, хорошая статья тогда получилась, давайте встретимся, есть что вспомнить» – от неожиданности он чуть не нажал отбой и покрылся жарким потом от ужаса в связи с этим. В коротком, но энергичном комментарии Паша чуть не пустил восторженного петуха, поэтому дальше в основном кивал, расплываясь всё сильнее.

Через пятнадцать минут он ерзал за столиком «Чайничка», изнывая от нетерпения и страха: а вдруг Бакеев не придет, или вдруг Паша его не узнаёт? Честно говоря, ни внешности Бакиева, ни обстоятельств знакомства, ни хорошей статьи, получившейся по итогам, Паша совершенно не помнил.

Бакеев пришел, Паша узнал его сразу, хотя тот сильно постарел, полысел и стал как будто ниже ростом, – и заметка тут же вспомнилась: про массовое отравление казахской якобы водкой. Ничего особенного, но хотя бы не стыдная. Для «Пламени» из этого ничего не вычмокать. Осталось надеяться, что Бакеев занимался не только паленым бухлом.

Уже через пять минут Паша спросил, едва сдерживая восторг: «Вы не против, если я записывать буду?» Бакеев кивнул и спросил с лукавой усмешкой:

– Достойная тема, считаешь?

– Не то слово, – заверил Паша.

Глава третья

– Но объемы там, конечно, – пропыхтела Аня, с подшаркиванием обходя спиной переполненную уже тележку, – просто перебрать... Жизни не хватит.

Наташа в тон ей пропыхтела:

– Так всё перебирать... и не надо... Задача – пяток непозорных выдернуть, и гори остальное... Кладем.

Они, тоненько охнув, водрузили кипу газет на холм, выросший Ане по плечи. Наташа продолжила, устало разминаясь:

– А так-то всё когда-нибудь кончается. Даже бумага. Как сейчас. Уфф. Неужто всё?

Она, пошатнувшись, заглянула в конференц-зал и негромко сообщила:

– Всё. И даже не вспотела. Ура.

Аня вяло обозначила ликование.

Наташа длинно выдохнула, заперла конференц-зал и с отвращением посмотрела на темно-серые ладони. Аня протянула ей санитайзер и крем. Обе принялись растирать руки. Наташа объяснила:

– Ремонт сделаем и нормальную постоянную редакцию здесь устроим. Спасибо, Ань. Теперь марш соцсети охмурять.

– Ы-ы, – сказала Аня, с радостным изумлением понимая, что с Наташей можно общаться легко и свободно, как с бабушкой и Софьей, а больше, пожалуй, ни с кем и никогда. – Может, еще погрузить чего?

– Молодежь любит выкладываться в ютубе и тиктоке, триндеть в телеге и мессенджерах и богически шарит в SMM, – назидательно сообщила Наташа.

– Огась. Но ой там ну-удные все... Кстати, Наташ. У нас же чисто областной проект? Из других регионов, тем более не соседних, читатели нас не интересуют? Поволжье там, Сибирь?

– Особо нет, но интернет-версия нонче поважней бумажной, а интернет один на всех. Так что грубо посылать никого не надо.

– Ы-ы, римейк.

– Ра-бо-та у вас та-ка-я, – нараспев сказала Наташа. – Первый номер спихнем – повеселее будет. Тележку старьевщики отсюда заберут, не трогай даже. Могли бы и загрузить сами, засранцы.

Она улыбнулась.

– Благодарю за службу, товарищ редактор. Ладно, я сегодня добрая: плюем на SMM. За проявленные героизм, стойкость и мужество... А, нет, девичество – так надо теперь, да? В общем, за это всё можешь пораньше свалить.

– Ага, только почитаю еще чуть-чуть.

– Маньяк, – восхитилась Наташа. – Я-то точно прямо сейчас валю. Дела, брат. А ты прямо сейчас беги в бухгалтерию, это восьмой кабинет. Там тебе объяснят, как карточку под зарплату оформить.

Аня, мгновенно просияв, хотела что-то спросить, но не решилась. Наташа сказала:

– Оклад миллипизерный. Премии от тебя зависят: сданные и проработанные объемы, трафик, капитализация и другие страшные слова. Чмоке, я на телефоне.

– Спасибо, – тихо сказала Аня и часто заморгала.

Наташа, не услышав, зацокала прочь, но вдруг остановилась.

– Кстати, там рядом, в седьмом, машинистки от безделья изнывают. Можешь им эту хрень в перепечатку отдать, в телефоне читать всё удобнее. И мне бы файл скинула. Интересно же, что за шедевр нас ждал столько лет.

– Да там лучше фрагментами, я как дочитаю, выделю и отдам набирать, конечно. Целиком – ну, жалко же людей просто.

– До-обрая, – протянула Наташа и взглянула на часы в телефоне. – Умеешь заинтриговать. Пошли, посмотрим твою жемчужину.

– Можно я дочитаю сперва? – нерешительно спросила Аня. – Я прямо завтра постараюсь. Наташа мотнула головой.

– Тут показывать надо. Не волнуйся, я быстро, мне ж бежать пора.

Пока они шли по коридору, Наташа вдруг сказала:

– Забыла тебе важную вещь объяснить. Редактор – человек, который переписывает с мудаккого на человеческий. Это не только замена ненужных слов нужными и не только выбрасывание лишних кусков. Автор, так часто бывает, сам не понимает, что написал. Он думает, что роскошный рипорт со скандального совещания принес, а там существенного только одна реплика в конце через запятую. Задача редактора – увидеть ее и заставить автора сделать новый текст из этой реплики, а старый выбросить нафиг. И ты всегда должна... Слушай, они, похоже, расплодились, пока нас не было.

Аня, сконфуженно оглядев кабинетик, вынула рукопись из ящика заваленного бумагами стола и протянула Наташе. Наташа отвернула обложку, хмыкнула над псевдонимом и принялась медленно листать.

– Я приберусь, простите, – покусав губы, обещала Аня.

– Я тебе деньги, пусть и маленькие, не за уборку платить собираюсь, а за... – рассеянно протянула Наташа и запнулась. – Вот это... Что?..

– Ну там сразу жсть, я говорила.

Наташа стремительно побледнела и замерла, не дыша. Только глаза ее раз за разом сбегали по строчкам вниз и вверх. Через несколько секунд она уронила рукопись на стол, но позы не сменила: так и стояла, уставившись на свою поднятую руку.

– Наташ, плохо? – перепугалась Аня. – Сердце, да?

Наташа вздрогнула и сделала шаг назад, потом еще один.

– Да, – сказала она. – Нет. Вспомнила просто. Шакалы, блядь. Нахер его.

– Наташа... – сказала Аня в ужасе и замолчала, потому что не понимала, как продолжить.

Наташа зажмурилась, от ресниц разлетелись крошечные капли. Она вжала пальцы в губы, будто чтобы затолкать обратно то ли слова, то ли крик, заполнивший горло, развернулась, вышла из кабинета и уцокала по коридору. Поодаль хлопнула дверь.

Аня растерянно подняла рукопись, оглядела ее и отложила. Подкралась к двери, прислушалась, замерев, и тут же поспешно отступила к столу. Дверь поодаль хлопнула снова, щелкнул замок, зацокали каблучки. Наташа в накинутом пальто и с сумочкой, не глядя на Аню, остановилась, покачиваясь, и велела:

– Нахер шакала, поняла?

Аня умоляюще спросила:

– Какого шакала, Наташ?

Наташа приоткрыла рот, захлопнула его, махнула рукой и отрезала:

– Ладно, потом. Всё потом.

Она развернулась и почти побежала к лестнице и по лестнице вниз.

Аня растерянно слушала затихающий цокот.

Глава четвертая

«Вычурно ажурные раскаты цокота новомодных копыт самоуверенной в присущей безнаказанности самочки вопиюще просеивались...»

Нет, не так, подумала Аня, и продолжила не читать, а будто синхронно переводить в уме, выковыривая смысл и суть из напыщенных глупостей.

Элегантная девушка с цокотом проскочила мимо. Змей не обратил на нее внимания. Ему были куда интереснее возгласы в глубине двора хрущевки, мимо которой он неторопливо шагал, сунув руки в карманы жилетки.

На балкончике второго этажа колыхалась крупная бабка в синем халате в цветочек, то кренясь в сторону тополя, ветка которого почти касалась перил, то боязливо отшатываясь. Она подзывала крупного серого кота, застывшего в развилке тополя:

– Мундисабель, иди-иди сюда, чего дам, кис-кис. Ну иди, миленький, ну свалишься же опять, паразит такой.

Змей медленно приблизился к тополю, разглядывая двор. Соседи увещаний бабки, похоже, не слышали. Людей не было видно ни на лавочках, ни на балконах, ни за стеклами окон. Призывный взгляд на Змея устремлял только пролетарий, спасавший мир на старом панно, украшающем торец пятиэтажки по ту сторону проспекта.

Бабка заметила Змея, когда он замер в нескольких шагах от тополя.

– Молодой человек! – провозгласила она. – Молодой человек, вы меня слышите? Помогите, пожалуйста! Кот на дерево удрал, паразит безмозглый. Обрато вернуться боится, слезать не умеет. Помогите старухе, пожалуйста. По гроб жизни буду обязана.

Змей, качнув длинным козырьком, подошел к стволу и, поглаживая кору в районе еле заметной надписи «В+К=?», прицельным взглядом смерил путь до кота. Потом снял жилетку, затолкнул ее ворот за ремень сзади и довольно ловко, хоть и явно оберегая правую ногу, принялся карабкаться вверх, не обращая внимания на квохтание бабки.

– Ой спасибо, ой дай бог вам здоровья, молодой человек, а то МЧС больше не приезжает, дармоеды, проголодаются – сам слезет, говорят, а у него почки больные, ему нельзя же, осторожней только, молодой человек, умоляю, рукой вон туда лучше.

Змей молча перехватил метнувшегося было прочь кота, запихнул его в мешок, сделанный из жилетки, и спустился, не реагируя ни на вопли и дерганья животного, ни на причитания и благодарности с балкона.

– Ох спасибо-то, – квохтала бабка, – герой молодой человек! Вот сейчас осторожней, ай молодец! У меня третий подъезд, с той стороны вход, сорок шестая квартира, я чай уже ставлю. А тебе, зараза серая, венником по морде сейчас!

Змей понес кота за угол дома, убедился, что никого нет ни с фасадной стороны, ни в темном подъезде, и прихрамывая, но почти беззвучно поднялся на такую же сумрачную площадку второго этажа. На ходу он выпутывал из жилетки сопротивляющегося кота, жестко придерживая его загривок.

Бабка уже ждала его в приоткрытом проеме двери, едва не приплясывая от нетерпения.

– Сюда-сюда, молодой человек, вот спасибо-то, чайку сейчас, закипает уже, орет еще, хлында, больше не сбежишь...

Только тут она разглядела, что Змей держит возмущенно орущего кота за шкурку на весу.

– Ой, молодой человек, зачем так сильно, не надо...

Она задохнулась от недоуменного возмущения, но выразить его не успела: Змей швырнул кота бабке в лицо. Кот с воплем впился когтями, куда смог. Бабка, ойкнув, стремительно попятилась и, споткнувшись о порог, с шумом ввалилась в квартиру.

Змей вошел следом. Шум за пару секунд скакнул до пугающей громкости: кот взвизгнул басом, бабушка попыталась его перекричать, – и смолк после звучного удара.

Из квартиры выскочил и опрометью унесся вниз по лестнице перепуганный кот. Следом выглянул Змей с синим пояском от халата, свисающим с руки. Змей огляделся, прислушался и скрылся в квартире, несильно хлопнув дверью.

Глава пятая

Аня вскинула голову и прислушалась. В хлопанье дверью не было ничего особенного, тем более в здании издательства, пусть и малонаселенного. Набор темпераментов едва ли не превосходил ассортиментом численный состав сотрудников, многие двери поддавались только сильным, и вечерний час на эти кадровые и фурнитурные особенности почти не влиял. Однако синхронизация текста и реальности заставляла напрячься.

Приближавшиеся шаги раскатывались по темному коридору так, что от крестца к затылку проходила массажная щетка.

Аня, стараясь почему-то быть беззвучной, завозила в кресле, на котором стояла коленями, и с испуганной неловкостью, едва не потеряв равновесие, сунула ноги в сапожки. В дверном проеме появилась невысокая фигура, и Аня выдохнула. Вахтер это был, с первого этажа. Болтливый, но безобидный старичок со старообрядческим каким-то именем.

– Девушка, вы же «Пламя», да? – осведомился он, пытаясь рассмотреть лицо Ани над уткнувшимся в стол конусом света. – Добрый вечер. Тут электрик пришел, говорит, надо, где старые рукописи, дополнительную подсветку сделать. Это где?

Аня задвигала ящиками стола, одновременно ерзая пятками, чтобы сапожки сели как надо.

– Сейчас, – сказала она торопливо. – Я покажу, секундочку.

Ключ нашелся, естественно, в почти пустом верхнем ящике, куда Аня его положила и где двумя секундами раньше обнаружить его не удалось.

– Пойдемте, – предложила она, пытаясь высмотреть электрика за вахтерской спиной. – Только там вообще света нет, не только дополнительного. Будет здорово, если сделаете.

– Да вы сидите, чего бегать, – снисходительно сказал вахтер, протягивая руку. – А товарищ всё сделает, раз пришел, да?

– Да? – нерешительно спросила Аня, стискивая ключ холодной, оказывается, рукой.

Тень, сгустившаяся за спиной вахтера, вальяжно двинула козырьком форменной, похоже, кепки. Аня, помявшись, протянула ключ.

– Вот, третья дверь справа, без надписей.

Она некоторое время постояла у дверей, вслушиваясь в неторопливо удаляющиеся шаги, подшаркивающие – вахтера, и почти бесшумные, но, кажется, странновато неровные – электрика. Поверх шагов булькал ручеек безудержной болтовни Петра Карповича: вспомнила, наконец, как его зовут. Вахтер сочувствовал режиму работы электрика, вынужденного прибывать на вызов в восьмом часу вечера, да еще больным, вон сипите-то как, небрежно отмечал, что и работа охранником – не из легких, сетовал на запущенность здания и невоспитанность сотрудников и особенно арендаторов – приличные-то разбежались на удаленку и вообще, теперь только шелупонь всякая ошивается, но этот вот этаж – последний порядочный, еще издательский, старая школа, несмотря что молодежь.

Электрик в ответ, кажется, даже не угумкал, что Петра Карповича совершенно не смущало.

Аня вернулась к столу.

Петр Карпович с некоторым усилием отпер дверь и со второго раза распахнул ее.

– Вот это, значит. Ох, темень. Вам стул, лампу или что-нибудь нужно?

И зажмурился от слепящего мертвенного света – электрик щелкнул фонариком, прошептал сиплю:

– Всё есть.

Он шагнул в архив, поставил на пол крупный кофр, который держал в руке, и принялся изучать проводку, совершенно не обращая внимания на Петра Карповича. Тот, потоптавшись, зашаркал к лестнице.

Электрик, зажав фонарик под мышкой, извлек и надел белые строительные перчатки, выдернул со стеллажа ближайшую стопку рукописей и начал перебирать ее, но тут же бесшумно вернул обратно: по коридору приближались шаркающие шаги.

– Вот, – сказал Петр Карпович, покачивая старой настольной лампой. – Там если розетка есть, можно включить, всё удобнее будет.

Электрик ощупывал древнюю скрутку проводов, пару раз покрашенную поверх изолянты. Поворачиваться к собеседнику он, похоже, не собирался.

Ты бы перчатки снял, замучаешься в строительных-то, хотел сказать Петр Карпович, но решил не лезть в прямом смысле под руку специалисту, тем более такому невежливому. Еще и маску не приспустит даже. Хотя она как раз необходима, вон какие пылевые смерчи в фонарной подсветке трясутся и ползают, даже от взгляда издали чихнуть хочется.

Петр Карпович, потоптавшись, растер нос, с кряхтением поставил лампу на пол и удалился, негромко ворча про то, что взрослые люди теперь хуже молодежи, которая как раз попадает толковая и вежливая.

Лишь убедившись, что ворчание и шаги удалились по лестнице, коридор чист, а из открытой двери единственного обитаемого кабинета долетает только редкий шелест страниц, электрик взялся за дело. Проигнорировав лампу, он пристроил фонарь на одну из полок и в его свете принялся поочередно вытаскивать стопки рукописей и копаться в них – сперва аккуратно, далее с растущей досадой и небрежностью. Некоторые кипы вставляли на место косо, отдельные листки и папки заваливались за штабель или, кувыряясь, распластывались на полу. Электрик исследовал все полки, переставляя фонарь по мере необходимости. Возвращать бумаги на верхние ярусы он просто не стал: сгрудил их на полу, попрал, проигнорировав штабель складных стульев в дальнем конце архива, и убедился, что ни одной папки вне поля его зрения не завалилось.

Стопки под ногами пошатнулись, электрик медленно съехал на пол и застыл, повесив плечи и уставившись в молочно-белое пятно, обесцветившее рисунок на древнем линолеуме и края раскиданных по полу папок. Постояв так, он погасил фонарь, снял перчатки и некоторое время как будто привыкал к темноте и тишине.

Тишина была неполной. Электрик вышел в коридор. Голова его медленно нацелилась на голос Ани, негромкий, но отчетливый.

Змей надел перчатки, подхватил с пола оставленную Петром Карповичем настольную лампу и беззвучно пошел к подсвеченному прямоугольнику, наматывая провод на кулак.

Глава шестая

Змей замер у двери, слушая щебетание мелкой девульки. Девулька болтала по телефону, развернувшись в кресле к мутному окну и вытянув ноги – видимо, к батарее.

– Да то же самое, про серийного убийцу. Он, короче, старушек душит и думает про это, в чем самый кринж. Ага, Достоевский, карликовая модель, пять старушек – уже рубель. Графомания адская, конечно, на пафосе, ошибок полно и название дебильное.

Провод лампы впился в перчатку, натягиваясь. Змей улыбнулся под маской и сделал шаг. Фигура со склоненной головой не слишком четко, но разборчиво отражалась в окне, но девулька этого не замечала – наверное, любовалась носочками, втиснутыми меж чугунных секций батареи.

Пусть полюбуется напоследок.

– Это как раз поменять можно или объяснить, – возразила девулька. – Но, Соф, мне ужасно нравится. По сравнению с остальным – супернайс. Захватывает. Реально «Новый Несбё родился» скажут, классно же.

Змей моргнул и улыбнулся под маской немного иначе. Провод вокруг его кулака обвис.

– Фрагментами, ну, – продолжала девулька, умудрявшаяся зябнуть в такой духоте. – Я так Наташе и сказала. А она психанула чего-то. Ну я завтра еще поговорю. Куда денется, всё равно ничего лучше нет. Найдем, конечно. Какой автор откажется-то?

Змей смущенно поежился, совсем опустив голову, и сделал шаг назад.

Аня ойкнула и рывком развернула кресло, едва не вывалившись из него.

Она соскочила на пол и, часто дыша, всмотрелась в дверной проем. Рывком обернулась к окну, пытаясь понять, не приняла ли за отражение далекое движение на улице, и снова уставилась в черный прямоугольник коридора. Судорожно сглотнула, прислушалась и, поднеся ко рту телефон, тихонько сказала:

– Соф, я перезвоню.

Аня поводила пальцем по экрану, будто подбирая соответствующий обстоятельствам номер, но так ничего и не подобрала. Нашарив сапожки, она нерешительно дошла до двери, поколебавшись, выглянула, осмотрелась и побрела к архиву сквозь тьму, стылую и зазвучавшую странно. На полпути Аня остановилась, прислушиваясь: почудилось, или эхо шагов как будто прихрамывает? Нет, всё вокруг оставалось покойным и унылым.

Аня тихонько стукнулась в дверь архива повыше торчащего ключа.

– Простите, вы еще не заканчиваете?

Подождав, она открыла дверь. На пол громко шлепнулась папка.

Аня, ойкнув, отскочила, подышала и включила фонарик в телефоне.

В комнатке вместо электрика был бардак: стопки папок перекошены, пол завален листками, поверх которых бугрились спины пылевых облачков. Аня пару раз щелкнула выключателем. Свет не зажегся. Аня хмыкнула, захлопнула дверь, щелкнула замком и замерла от еле слышного шороха, почти совпавшего с щелчком.

Почти.

Это не эхо.

– Это... вы? – спросила Аня и повела лучом.

Луч трясся.

– Вы где?

За пределами луча возникли и понеслись навстречу торопливые шаги.

– Не получилось сделать, да? – громко спросила Аня, зачем-то вцепившись свободной рукой в ручку двери.

– Аня, вы там? – послышался знакомый голос. – Блин!

У Аниной двери что-то грохнуло и покатилося, играя неровным эхом. Аня подпрыгнула со смешным, как сама сразу поняла, писком, на миг замерла, сведя кулачки перед грудью, обозлилась на себя и побежала к своему кабинетику, светя телефоном.

У ее двери растирал голень, озираясь, Паша. Рядом с ним валялась настольная лампа.

– Наставили капканов, понимаешь, – бормотал Паша.

– Паш, ты ничего не слышал? – спросила Аня.

Паша подхватил лампу и возбужденно объявил:

– Да я дофига услышал! Там, короче...

– Не, я про электрика. Навстречу тебе не попался?

– Нет вроде.

– Странный какой-то. Пришел, бумаги перемешал, нифига не сделал, ушел.

Паша звучно затоптался от нетерпения.

– Нормальный электрик, все такие. Забей. Пошли, покажу, что нарыл.

– Я домой собиралась вообще-то.

– Так и собирайся. У тебя и... А, у тебя компа нет. Вещи бери, запирай хозяйство и ко мне на секунду буквально. Не пожалеешь.

– Вы все так говорите, – пробормотала Аня.

Паша недослышал:

– Как?

Аня махнула рукой и пошла собираться.

– На «ты» перешли, да? – уточнил Паша вслед.

– Еще раз так выскочишь, я на тот свет перейду. Сядешь за неумышленное.

– Чего это за неумышленное-то, – пробурчал Паша, смутился и пошел раскладывать фактуру.

На экране сменяли друг друга зернистые кадры с силуэтом человека, заходящего в подъезд и идущего по лестнице. Кадры были сделаны в разных местах в разное время, но разобрать черты лица или особенности сложения не помогал никакой зум: на голове у человека всегда были кепка или капюшон, а наряд выглядел нарочито мешковатым.

Паша усадил Аню за свой стол и, сгорбившись рядышком, шелкал мышкой по сохраненным в облаке файлам и ссылкам. Левой рукой он почти машинально подстраховывал капризную спинку кресла. Аня покосилась на это дело, но решила не отвлекаться. Паша и впрямь нарыл интересное.

– Ментам запретили со СМИ общаться, наглухо, – возбужденно излагал он. – Только пенс один согласился со скуки. Короче, может лонгрид прям в пас с этим романом получиться.

Он ткнул в экран.

– Маньяк был. У нас прямо. Серьезный, одиннадцать подтвержденных трупов.

– Ого. А неподтвержденных?

– Кто ж знает. Вот такой он был. В кепке, среднего роста и сложения. Лица не видно, но явно мелкий, типа твой ровесник.

Оба не отрывались от монитора, поэтому не заметили, что сдвоенное отражение в темном окне слегка пошевелилось: мимо двери прошла фигура в кепке.

– Чего это мой? – возмутилась Аня.

– Ну, двадцать – двадцать два. Или просто выглядел молодо, такие бывают. Выслеживал одиноких бабок, или, может базу данных купил. Приходил к ним домой, представлялся, видимо, типа с почты, жэка или собеса – пара свидетельств есть. И убивал. Причем ценности вообще не брал, а деньги – только если находил. И сколько там тех денег...

– Гробовые.

– Вроде того. Потом куролесил пару лет по другим регионам, от Москвы до Сибири. Его в федеральный розыск объявили, а толку-то. Поубивал, потом перестал.

– Или перерос увлечение.

– Или помер.

– Бабка здоровая попалась, пришибла и прикопала тихонечко, – предположила Аня.

– Как вариант. Или сел за что-нибудь другое. Или свалил, как Ганнибал Лектер, в Африку или там Среднюю Азию, и дальше убивает.

– Ой, я не смотрела. Ганнибал правда в Среднюю Азию свалил?

– Забудь. В любом случае, его долго искали. В последний раз следственный генерал из Москвы относительно недавно приезжал, за год до того, как я в «Вечерку» пришел. Он по всем городам проехал, где этот перец засветился. Совещания проводил и пресс-конференции. Типа кто видел, вспомнил, узнал, обращайтесь. Никто ничего.

– Но того, что есть, тебе ведь хватит? – спросила Аня и добавила, вспомнив: – Только без приколов и меме всяких, понял, да?

– Понял, понял. И я вообще-то никогда...

Паша засмеялся, щелкая мышкой. Аня вопросительно посмотрела на него, потом на экран и громко вздохнула, взявшись за висок.

– Блин, я правда ведь так писал, гля. Был молод, горяч и скверно обучен.

– А про маньяка так же, с прибауточками, писали?

– Не, там всё сурово, но тоже однообразно. В основном репортажи с прессух генерала, тревожные такие. Кто не ленивый, могли старые материалы еще поднять. А сейчас и поднимать особо нечего.

– Почему?

– Сперва думали, что бытовуха, фигли про нее писать. А с тех пор газеты все позакрывались. Даже сайтов тех времен осталось чуть.

– Веб-архив и кэш «Гугла» в помощь.

– Фигня это всё, – отрезал Паша. – Живые источники в помощь. Мне следак такого смачного порассказал – м-м-м, укушаться.

Он посмотрел на Аню торжествующе. Аня, помявшись, взмолилась:

– Слушай, а давай про смачное на ходу? Я тут с утра на кофе и булочке, не могу уже.

– Кофе навести тебе? – осведомился Паша.

Аня вскочила, свирепо рыча. Паша со смехом посторонился.

Он закрывал вкладки, пока Аня вдевалась в куртку и рюкзак. Она отвернулась от экрана и не увидела газетную статью с фото санитаров, вталкивающих в машину носилки с черным мешком. На санитаров с безопасного расстояния пронзительно глядел толстый серый кот.

Глава седьмая

Зал кафе был полон и шумно весел. Принаряженная Наташа сидела одна за столиком на двоих. Она напряженно всматривалась в каждого входящего мужчину и тут же разочарованно сникала.

На очередного посетителя, рослого ухоженного мужика лет пятидесяти в элегантном пальто с поднятым, как у киношного шпиона, воротником, Наташа сделала почти буквальную стойку и метнула взгляд на экран телефона, сравнивая с портретом.

Мужик медленно шагал через зал, осматриваясь.

Наташа, заулыбавшись, робко пошевелила пальчиками на поднятой руке.

Мужик, на миг задержав на Наташе оценивающий взгляд, сделал вид, что не заметил ни жеста, ни самой Наташи. Взяв чуть левее, он обошел столик Наташи по дуге, развернулся и неторопливо удалился.

Наташа, застыв, глядела ему вслед.

С улицы через витринное стекло на Наташу смотрела Юля. Под руку ее придерживал молодой бородач, который не сразу сообразил, что спутница остановилась не просто так.

За стеклом официант поднес Наташе бутылку водки, показал этикетку, ловко налил стопку и собрался удалиться. Наташа велела оставить бутылку, хлопнула стопку и немедленно набуровила вторую.

– Илья, погоди секунду, – сказала Юля, мягко отбирая руку.

Она достала телефон, нашла нужный контакт и принялась ловко не набирать даже, а рисовать по клавиатуре сообщение.

– По работе срочное? – спросил Илья.

– Почти, – согласилась Юля и кивнула на зал кафе, не отвлекаясь от экрана. – Видишь, тетка? С работы. Классная, но иногда в штопор уходит. Вот сейчас прямо. А это месяц минимум. А дел куча. Брату ее пишу, он просил предупреждать, если начинается.

Она отправила сообщение, изучила тренькнувший тут же ответ, кивнула, коротко подбила беседу и убрала телефон в карман со словами:

– Сейчас подъедет.

– Офигеть быстрый, – сказал Илья с уважением.

– Мент. Они быстрые, когда им надо.

Юля подцепила Илью под локоть и увела дальше. Через пять минут напротив витринного стекла с визгом затормозила недорогая «Kia». Из машины, заморгавшей аварийками, вышел Андрей. Навстречу ему из кафе выскочил охранник, напористо возражая против парковки в неположенном месте. Андрей пресек сопротивление короткой фразой и взмахом удостоверения, обошел охранника и двинулся в кафе.

Сквозь мигающие отсветы аварийки в стекле любой желающий мог полюбоваться, как Андрей прошел через зал, сел на свободный стул за столом Наташи и начал что-то ей говорить. Наташа, глядя сквозь него, поспешно махнула очередную стопку. Андрей дернулся было на перехват, но передумал и взялся изучать сестру, откинувшись на спинку стула.

Наташа, подышав, потянулась к бутылке. Андрей забрал бутылку, встал и подозвал официанта.

Тот неохотно принял бутылку, сопроводив это кислым замечанием. Андрей выдернул из кармана тощую стопку сложенных пополам купюр, отстегнул пару, швырнул на стол и взял Наташу под локоть.

Наташа вырвалась и вцепилась тщательно наманикюренными пальцами в стул.

Андрей хлопнул ладонями по столу и склонился над Наташей, сверля лютым взглядом зал, потом сестру. Публика поспешно отвернулась. Открывший было рот официант отступил на шаг.

Наташа, покачнувшись, встала. Андрей под руку повел ее к дверям, на ходу с кивком приняв Наташино пальто у гардеробщика.

Глава восьмая

Если боишься опоздать, делай всё заблаговременно.

Пятнадцатое ноября приходилось на понедельник. Чтобы не рисковать, Ирина решила подготовить формы отчетности перед Пенсионным фондом и Росстатом сильно загодя, в четверг. Не успела самую малость – девки утащили ее отмечать День экономиста. После вчерашнего, когда Ирина сама уговорила всех праздновать Международный день бухгалтера, хотя уже через полторы недели наступал российский, отказаться было невозможно.

Вышло лучше, чем вчера, и уж точно вкуснее: Маша опять раскрутилась на красную рыбу, подогнанную легендарным сахалинским дядькой, и была эта рыба – просто ум отъешь. Ирина в этом преуспела и спохватилась ближе к восьми, когда девки принялись разбегаться по домам. Маша, жившая в соседнем доме, вызвалась подвезти, но заставлять ее ждать было неудобно. Да и своим ходом даже быстрее, чем на колесах. Машине приходилось давать кру- галя через Мира и Белова, а пешеход мог срезать по аллейке.

Пешеход Ирина этим и занималась каждый будний день. Всё замена фитнесу, на который третий месяц не хватало времени.

С нового года начну, подумала Ирина, выйдя наконец из офиса и хватанув сладкий морозный воздух так, что слиплись ноздри. И лыжи с балкона достану, пока не сгнили. Буду на работу на лыжах ходить, с заходом, вернее, забегом в парк. А летом на самокате, например, или даже на скейте.

Она спрятала улыбку в шарф и двинулась к мигающей стеле автозаправки, за которой раскинулся парк.

– Прикол в том, что было аж два серийника, – сказал Паша. – Дедок один в конце девя- ностых кукухой уехал и в Кировском парке лыжников пас с молотком. Вон там.

Он показал в сторону недалекой мрачной ограды. С немногим лучше освещенного тро- туара она смотрелась как декорация дешевого хоррора, ключевая сцена которого развора- чивается на заброшенном кладбище. Аня поежилась и ускорила шаг.

Паша продолжал:

– Обидел его какой-то, наверное, лыжню там потребовал, а дедок стормозил посторо- ниться... Так он решил всем мстить. Двух завалил, третьего не догнал. Ну его и взяли почти сразу. Ничего интересного, короче.

– Посадили?

– Наверное. Куда его еще, такого красивого. Да он крякнул давно палюбэ, ему тогда-то за шестьдесят было. Так что к молодому тому он точно отношения не имеет.

– А хорошо, что книжка не про нас, – сказала вдруг Аня.

– В смысле?

Аня пояснила:

– Наташа говорила, самый огонь – чтобы в книге из архива и твоим очерке действие в одном месте происходило. Такое боевое краеведение. Но, блин, если там дедушка с молотком бегал, а тут мальчонка с пояском, а его и не поймали, – нафиг такое краеведение. Не про нас книжка, вот и хорошо.

Паша почему-то заулыбался, засопел, хотел сдержаться, но не смог:

– То есть она прямо всерьез готова мой лонгрид ставить? Не глядя? Ешкин хвост. Спа- сибо, Ань.

– Погодь спасибовать. Наташа пока капризничает чего-то.

– Из-за меня? – уныло спросил Паша.

Аня мотнула головой с досадой.

– Вообще. Типа пошли они. А кто они и почему, сама не знает, наверное.

Паша подождал пояснений, не дождался и осторожно удивился:

– Разве можно такое упускать? Темища же.

– Вот именно. Весь мир такое только и читает, и мы переводим и читаем, и сериалы переводим и смотрим, и документалки, а про свою, как это... хтось, во, не знаем или сразу забываем. Странно это.

– Не странно, – пояснил Паша. – Просто со временем не повезло. Это ж в нулевые было. Тогда все как раз и трэшака объелись, и читать бросили. Трэшак в телик переполз, дневные шоу страшнее любого хоррора, это я еще про инсту и тикток молчу.

Аня кивнула без улыбки, но от темы не отвлеклась:

– И все молчат. А чего говорить, маньяк-то исчез. Паш, покажи еще раз фотки.

Паша остановился, открыл ссылку в телефоне и повернул экран к Ане. Та принялась листать снимки, подолгу вглядываясь в каждый. Вытерла экран, на котором оседал пар слишком близкого дыхания, и сказала:

– Могли бы нейросети подстегнуть – они и из такого что-то вычистить могут.

– И что? Пятнадцать лет прошло.

– Тоже нейросети состарят, – не сдавалась Аня. – Любой может, знаешь же: скачал приложение – и вот ты старый, вот бэбик, а вот дедушка.

– И заведем под арест всех похожих дедушек. И бабушек, на случай, если он пол сменил.

– Лучше так, чем... Он же гуляет рядом. Может, прямо здесь. Прямо сейчас.

Аня огляделась и зацепилась взглядом за темную фигуру на остановке поодаль. Человек, кажется, смотрел прямо на них. Он выпустил клуб пара и как будто улыбнулся. Аня понимала, что с такого расстояния, в полумраке и с ее-то зрением – на холоде линзам веры нет, – рассмотреть улыбку не могла, но на всякий случай спешно повлекла вперед Пашу, изучавшего снимок на экране.

Змей затыкнулся еще разок, убрал вейп, огляделся, поймал взглядом темно-серую куртку и пошел за ней по «зебре».

За его спиной, не приостановившись и даже не сбавив скорость, пронеслась «Kia».

Андрей говорил, вцепившись в руль и не глядя на рыдающую рядом сестру:

– Наташ, я несколько подзадолбался тебя из запоев вытаскивать. Расслабляться надо, согласен. Определись только: трахаться хочешь или ужраться? Ужраться и дома можно, мне попроще будет, чем тебя по всему городу ловить. Хряпнула – и сразу в больничку прокапываться. Но если трахаться...

– Он уше-ел! – провыла Наташа. – Развернулся и уше-ел! Я старая и стра-ашная!

Андрей чуть кивнул и прикусил губу, готовясь через силу врать.

– Хрень-то не носи. Баба-ягодка, в отделе все мужики у меня телефончик просят, устал отпихиваться.

Пьяный плач Наташи перешел в жалобное всхлипывание:

– Я никому не нужна!

– Спасибо, сестренка, – сказал Андрей, с облегчением выпуская раздражение на допустимом повороте беседы. – Я, сука, на ленты ради тебя рвусь, Светка про тебя постоянно спрашивает, Лизка вечно: пусть тетя Наташа придет, почему тетя Наташи долго не было, – и вот так ты это принимаешь.

Наташа залилась совсем безутешно.

– Ну что такое опять? – осведомился Андрей.

– У меня ма-аму уби-ли!

Андрей ударил по тормозам, резко уходя к обочине. Пролетевшая мимо машина отозвалась возмущенным сигналом.

– А у меня, блядь, не убили?! – спросил Андрей.

Он смотрел на свои руки, вцепившиеся в руль так, что костяшки побелели. Шея и плечи заостенели, глаза будто вымерзли.

Наташа завывала в бумажную салфетку. Ни сил, ни желания поворачиваться к ней не было, но куда деваться-то.

Андрей с трудом оторвал от руля правую руку и привлек к себе Наташу. Она уткнулась ему в плечо, рыдая. Андрей с трудом прочистил горло, забывшее, как дышать нормально и как говорить негромко.

– Я бы нашел его, чтобы сам... – сказал Андрей и откашлялся снова. – Но его ж грохнули давно, стопудово. Не могут такие долго по земле...

– А если нет? – прошептала Наташа брату в куртку.

– А если нет, я его найду, – заверил Андрей.

Наташа резко откинулась, чуть не ударившись головой о стекло, села прямо и уставилась перед собой мокрыми глазами, окруженными черными пятнами размазанной туши. В ветровом стекле смутно отражалась плохо нарисованная морда панды. Морда презрительно сказала:

– Найдешь... Про него роман давно написали – а ты всё ищешь и не находишь.

Андрей начал медленно поворачиваться к Наташе.

На оклик Ирина сперва внимания не обратила, но он прозвучал громче:

– Простите ради бога...

Она остановилась и обернулась, выжидающе глядя на мужичка средних лет. Лицо его полностью было скрыто медицинской маской и тенью длинного козырька, но выглядел он безобидно: немногим выше Ирины, вряд ли шире нее и к тому же в какой-то спецодежде – строитель или ремонтник. Он поспешно остановился в полутора шагах от Ирины, но та успела заметить, что мужичок заметно прихрамывает.

Чтобы не смущать его, Ирина и свой подбородок спрятала за отсутствием маски в шарф и показала, что слушает.

– Девушка, я тут заплутал слегка, – объяснил мужичок чуть нараспев. – К Кировскому правильно иду?

– К парку? Да вот же он, только вход вон с той стороны. И закрыт уже.

Мужичок улыбнулся.

– Нам все пути открыты. Шарф классный у вас. Прочный?

– В смысл... – начала Ирина, подняв руку к горлу.

Змей кинулся на нее и сбил с ног, не дав договорить.

Переулок был темным и заваленным первыми нерасчищенными сугробами, зато выводил наконец-то к ярко освещенному проспекту. Аня, не отрывая глаз от комьев снега, ставить ногу между которыми следовало с умом, задумчиво сказала:

– И почему убивал, не узнают.

Паша хмыкнул.

– Да как всегда: в детстве бабка, небось, мучила, прищепку на письку вешала, вот он всем бабкам и мстил.

Аня поморщилась и украдкой оглянулась. Ни в переулке, ни на совсем далекой остановке больше никого не было. Аня выдохнула и пробормотала:

– Фу ты извращенец.

– Я-то с какого? – удивился Паша.

Вот вечно у меня так, подумала Аня и принялась неловко выкручиваться:

– Потому что мужской род. Ты извращенец, я извращенка. Учи феминитивы, белая цис-гендерная мразь.

Она просительно улыбнулась, чтобы Паша понял, что она шутит. Паша ответил очень серьезно:

– Ты классная. И Соколиный Глаз просто – как умудрилась про поясок заметить? Я же листал два раза в секунду.

Аня заулыбалась шире, с облегчением и радостью – комплимент был совсем неожиданным.

– Что заметить? – уточнила она.

– Ты сказала – мальчонка с пояском. Его менты так и называли: сопляк с пояском или сосед со второго. Он нападал на квартиры не выше второго этажа. На третий однажды только полез, чуть не попался, из окна прыгнул. Вот с тех пор.

Аня замедлила шаг. Паша продолжал:

– Он всегда душил чем-то из квартиры жертвы. То ли бзик, то ли чтобы не доказали умысел, если поймают. Обычно пояском от халата. Бабки в халатах же вечно.

– Бывают халаты без пояса, – медленно сказала Аня.

Паша охотно пояснил:

– Тогда телефонным или электрическим проводом, но всегда, говорю, из дома жертвы. А потом халат на голову заворачивал, утаскивал в ванну, – ну, там неприятно, в общем...

Аня остановилась, глядя перед собой. Паша осекся и поспешно добавил:

– Не, не мучил, ни ран, ничего. У одной только лицо расцарапано было.

– Это кошка, – сказала Аня совсем медленно. – Он ей кошку в лицо бросил.

– О, – удивился Паша. – А ты откуда знаешь?

Аня, высвободив руку, ткнула варежкой перед собой. Паша с недоумением уставился на освещенную фонарями проспекта хрущевку поодаль. Торлец ее украшало панно с пролетарием.

Аня ткнула вправо, в пятиэтажку, которую они миновали, и очень спокойно сообщила:

– Это здесь было.

– Что?

Аня, повертев головой, решительно направилась к самому толстому дереву рядом с пятиэтажкой. Растерянный Паша, оскальзываясь в жиже под сугробом, устремился следом.

Аня всмотрелась в ветку, почти достающую до балкона второго этажа, сняла варежки, стащила со спины рюкзак и выдернула из него папку.

– Паш, включи фонарик, – попросила она, громко листая рукопись под рассеянным светом из окон.

– В смысле?

– У тебя фонарик в телефоне есть же? Включи и посмотри на дереве, там на коре вырезано должно быть.

Она замерла, держа палец на нужной странице. Паша, подсвечивая фонариком, бродил вокруг ствола.

– А что должно быть-то? Нету ничего вроде.

– Уф, – сказала Аня с облегчением. – Слава богу. Значит, просто местный, но не...

– А, во! – воскликнул Паша. – Есть. Буквы вырезаны. Давно, еле видны. Бэ плюс Вэ, что ли...

Аня, сникнув, поправила:

– Вэ плюс Ка равно вопрос.

– Точно, – согласился Паша, всмотревшись. – А ты откуда знаешь?

– Прочитала.

Аня повернула к Паше рукопись, по-прежнему упираясь в строчку пальцем. Папка крупно дрожала. Паша подошел, осветил на страницу и очень долго вчитывался в нее. Медленно поднял луч на лицо Ани и так же медленно спросил:

– Это. Что. Вообще. Такое?

– Это он, – сказала Аня, зажмурившись, похоже, не от фонарика. – Это он написал. Про себя. Паша. Я говорила: хорошо, что не про нас книжка. Это про нас книжка.

Луч сполз на жидкий снежок, местами стоптанный до асфальта и земли, в замысловатом порядке уступавших друг другу под деревом. Паша застыл рядом, повесив руки.

Аня открыла глаза. В глазах плавали светлые пятна. Она не видела, конечно, ни темного переулка, которым они шли, ни начала улицы, ни «зебры», ни ограды парка, ни кустов, под которыми дергались едва заметные в темноте женские ноги.

Дергались они недолго.

Рука в строительной перчатке вцепилась в застежку точно такой же, как у Ани, куртки и затащила неподвижное тело поглубже в кусты.

Часть четвертая. Сократить можно всё и всегда

Глава первая

Скейт все-таки пришлось забрать. Клим увиливал почти месяц – нафига ему этот скейт зимой, в комнате после покупки велосипеда и так повернуться негде, – но Настя умела быть очень убедительной. И очень неприятной.

Вечером выкину, написала она. С балкона прямо. А ты гениальный стишок сочинишь, всё польза.

Слушай, ну некогда сейчас вообще, сделал последнюю попытку Клим, всех к Новому году колотит, заказов море, а вот на НГ я поздравлять забегу – и заберу одним ходом.

О, ты еще и поздравлять придеешь, нехорошо обрадовалась Настя. Клим вздохнул, подождал, разглядывая переписку, тревожно скудную смайликами, и безнадежно написал: ну хотели же по-человечески.

По-человечески и прошу, а не на «Авито» твой штафф выставяю, отрезала Настя.

Вечером зайду, сдался Клим. В десять нормально?

Как уж постарайся, сообщила Настя.

Клим постарался, даже пиво принес, и держался изысканно, как только мог. Но дальше прихожей его не пустили. Настя кивнула на впрямь здоровенный, придется признать, пакет: куча вещей, и скейт торчит, – Клим и не думал, что такую прорву у бывшей оставил, – и сделала жест. Пиво причем приняла, зараза, но открывать и предлагать глотнуть, как раньше, не стала. Как раньше больше не бывало. И слава богу, подумал Клим, что отказался от идеи понабаваться на чай, ночь или прощальный быстрый секс, – Настя выглядела неплохо, особенно в тусклом свете прихожей, но держалась строго. Явно помнила, что прощальных быстрых сексов было уже три или четыре, и каждый следующий раздражал ее всё сильнее. Что ж они вечно памятливые такие, с досадой подумал Клим, которого всё как раз совершенно устраивало, сделал ручкой, подхватил пакет и отбыл навсегда.

Закружили, отрезали, забыли. Едем дальше.

Так он уговаривал себя с полдороги, но раздражение улечься не спешило, к тому же торчащий из пакета скейт норовил стукнуть то по голени, то под ребра. Правда выкинуть надо было, подумал Клим, и даже выдернул его из сумки. Взвесил в руке, заглянул в сумку, пытаюсь сообразить: есть там вообще нужный шмот, или криповая паль? С Настей Клим сошелся совсем звонким невменько, и одевался о ту пору соответственно.

Рассмотреть в морозном сумраке ничего не удалось, урн поблизости не отмечалось, улица была совершенно пустой. Совершенно – значит, не только без людей, но и почти без снега. Дикое стадо дворников, похоже, в непредсказуемости своей опять выбрали самый неочевидный объект нападения: темный малохожий тротуар, впадающий в аллею за вечно реконструируемым парком.

Клим пристроил пакет на плечо и потоптался, оглаживая скейт и вглядываясь в добытые из-под льдистой корки росчерки асфальта. Скейт промерзнуть не успел, руку не студил и колесами вертел как надо. Клим, пробормотав что-то виновато лихое, уронил его, запрыгнул, едва не приложившись копчиком от растренированности и сезонного фактора, заржал, дернулся вперед раз и другой, раскидывая неровное грохочущее эхо вдоль тротуара, и с третьего толчка полетел как надо. Сразу стало холодно глазам, зубам и рукам, Клим прищурился, стараясь не лыбиться, прибрал пакет под мышку, а руки в карманы, мельком подумав, что надо все-таки поискать перчатки в старой куртке, выгнал почти летнюю скорость и понял, что вечер удался. Это было лучше, чем быстрый секс.

Скейт и Клим ревуще грохотали, наполняя смыслом движения бессмысленный закоулок, грохотали вольно и неудержимо: по серебристой от луны прямой, краем поворотной дуги, располосованной жидкими тенями тополей, сквозь вязкую черную тень кустарников.

И заткнулись с коротким стуком.

Скейт полетел в одну сторону, Клим – в другую, успев, к счастью, сгруппироваться: помнят ручки-то и прочее тельце. И пакет с тряпьем, тоже к счастью, подвернулся под локоть, смягчив удар о теперь совсем уже неуместно расчищенный асфальт.

Клим вскочил, шипя не столько от боли в колене, сколько от досады, рассмотрел себя, отряхнулся, проверил цельность и функциональность конечностей и похромал к скейту, виновато уткнувшись в сугробик у противоположного бордюра. Скейт был еле заметен в тени густых не по сезону кустарников – не листвой, но ветками и колючками. Шаги Клим слышали странно: почти беззвучный скрип подошвы отбрасывал басовитое эхо, которое тут же будто придавливалось подушкой. И досадливый возглас разнесся и стих так же.

Клим оступился на чем-то неуместном посреди тротуара, подопнул, спохватился, настиг отлетевший сапожок и поднял. Реально сапожок, женский, черный, без застежек и шнуровки, почти без каблука.

Золушка долбаная, нельзя ж так разбрасываться, подумал Клим. Нogu отморозишь – на следующий бал не возьмут.

На черную кожу села крупная красивая снежинка, рядом другая. Клим поднял голову. Начинался снегопад, настоящий такой, зимний.

Клим повертел в руке сапожок, стылый и смятый колесиком скейта, хотел швырнуть его в куст, в глубине которого замаскированной мишенью будто висело во тьме светлое пятнышко, но не стал поддаваться досаде и дремучим инстинктам. В Средневековье щиты как раз для того и делали светлыми или блестящими, чтобы лучники подсознательно целили в них, а не выше или ниже. У нас тут не Средневековье, подумал Клим, и аккуратно поставил сапожок на сугроб, чтобы принц или Золушка увидели сразу. Он подхватил скейт, сунул его под мышку, подобрал пакет и захромал домой, растирая подмерзшие ладони и беззвучно бормоча: «И дожил: до жил жжет жар жуткий, жаря нежную снежинку, да жаль, не жалит кожух съезженный жупана кожу жесткую: мертва».

Про светлое пятнышко в глубине куста Клим тут же забыл. А ступню в колготке телесного цвета не опознал в этом пятнышке не только он.

Глава вторая

Наташка не отзывалась с утра, Дементьев не сказал ничего полезного, за окном уже темнело, – значит, до собрания оставалось часа полтора; ну точно, час сорок. Андрей покосился на телефон – индикатор мессенджера в ответ не подмигнул.

Все-таки ушла в штопор. Ее бы прямо сейчас оттуда выдернуть, прокапываться увезти, но сам Андрей шагу со службы ступить не мог, и поручить было некому.

Ты бы, тварь, хоть зацепку какую дал, подумал он, старательно не обращая внимания на Дементьева. Ма-асенький заусенчик. А мы уже за него зацепимся, и разматаем, и всем пузом влезем, Норов твой чихнуть не успеет. А тебе и пофиг, в худшем случае подельником пойдешь, тебе полезно. Непуганый ты слишком, вот что.

Татуированный бородач Дементьев был непуганым до омерзения и сверх всяких пределов: сидел нога на ногу да оглаживал пузцо, не соответствующее ни нежному возрасту – ну да, двадцать пять ему всего-то, – ни полуспортивной одежде. Хождение истории по кругу быстро превращает трагедию в фарс, а боевую уличную униформу – в хипстерский шмот. Спортсм Дементьев если и занимался, то сугубо девачковым: джоггингом, калланетикой и фитнес-боксингом. Его выбор, чо.

Дементьев откашлялся, явно намереваясь закатить возмущенную речь о том, что не следует томить в полицейских застенках невинного человека, ничего ему не предъявляя и попросту не обращая внимания. Андрей, не отрывая глаз от монитора, показал: «Сейчас-сейчас» и добил лежавший со вчерашнего вечера протокол – к сожалению, лишь третий из одиннадцати.

А ведь придется его отпускать, подумал Андрей с сожалением, прикидывая, чем шугануть Дементьева напоследок, чтобы он не вздумал требовать извинений и тем более пересказывать Норову, что ничего у ментов нет. И тут зажужжал телефон. Светка.

– Да, – сказал Андрей, прикладывая трубку к уху. – Могу, если коротко. В смысле – где? Работаю. Куда? Еще раз, куда? Елки. А сегодня какое?

Он встал так резко, что офисное кресло, откатившись, грохнуло в стену. Дементьев вздрогнул и, чтобы скрыть испуг, ухмыльнулся. Вот это ты зря, подумал Андрей яростно.

Он совершенно забыл, что Лизку надо сегодня везти к логопеду в областную больницу. Точнее, помнил, что везти в пятницу, но почему-то решил, что в следующую, а не в эту, на которую Халк зачем-то перенес собрание по случаю позавчерашнего Дня милиции. Странно, что Светка этого не учла.

– Так я тебя специально спрашивала: в пятницу к двенадцати сможешь? – напомнила Светка яростно.

Вот оно что, сообразил Андрей с досадой. Я это как «в пятницу, девятнадцатого» услышал, баран глухой. Объяснять было и поздно, и бесполезно – как и пытаться отпроситься или тихо свалить с торжественного собрания. Халк относился к любым торжествам с пылом и страстью отставного прапорщика. Светка это знала.

– Такси возьми, – сказал Андрей, изнывая от стыда и бессмысленности – как будто Светка сама не знала, что делать в этой (как и в любой) ситуации.

Говорить вообще было не о чем, оставалось извиняться, ругаться или бросать трубку. Извиняться Андрей не умел, ругаться не любил, а бросить трубку значило влипнуть в долгую, никому не нужную ссору. Поэтому он постарался насовать максимально мягких и виноватых реплик: «Точно сможешь?», «Я бы встретил, но, блин», «Сразу звони, если что», убедился, что Светка хоть и кипела от бешенства, но разговор продолжила, дождался, пока жена нажмет отбой, аккуратно положил телефон на стол и вздохнул.

Дементьев опять выразительно откашлялся. Андрей, так и не глядя на него, выдохнул еще разок, звучнее – не выдохнул даже, а задудел что-то типа мелодии, которую сперва не разобрал сам, а разобрав, изумился: «Давай подвигай попой» из лихих в хорошем смысле девяностых. Не прекращая дудеть, он снял через голову свитер и футболку, аккуратно повесил их на спинку кресла и начал расстегивать джинсы.

Дементьев, хмыкнув, отвернулся. Андрей неторопливо прошел мимо него, похлопывая по голому животу в такт дудению, и запер дверь. Щелчок замка заставил Дементьева вздрогнуть сильнее.

– А то ломанется кто, а у нас такое, – пояснил Андрей, прекратив дудеть.

– Стриптиз, в смысле? – спросил Дементьев, стараясь понимающе ухмыльнуться.

– Сперва да, – согласился Андрей и кивнул в сторону стола, на котором черный экран телефона неровно отражал свет уже включившегося за окном фонаря.

Больше кабинет ничего не освещало, так что было почти сумрачно.

Андрей так же сумрачно продолжил:

– Видишь, не может никто. Придется самим.

– Чего – самим? – спросил Дементьев.

Он, сам не замечая, стискивал толстый трикотаж повыше колен.

Андрей, остановившись в метре от Дементьева, вытащил ноги из ботинок, с неудовольствием переступил по чистому на вид полу, стянул джинсы, оставшись в «боксерах», и, задумчиво оглядывая собеседника, щелкнул резинкой трусов. Дементьев вздрогнул совсем сильно и вжался в спинку кресла.

– Вы чего творите? – спросил он прыгнувшим голосом. – Вы ж при исполнении.

– В мундире предпочитаешь? – обрадовался Андрей. – Так ты везунчик сегодня.

Он шагнул к шкафу, извлек оттуда мундир майора полиции, вытащил из-под кителя рубашку, вделся в нее и начал застегивать, подцепив плечики к дверце шкафа.

Дементьев, нахмурившись, сказал:

– Если вы меня запугать хотите, то...

– Кто тебя запугивает, а? – резко спросил Андрей, дернулся к Дементьеву и застыл, всматриваясь. Дементьев застыл тоже, но от ужаса. Татуированные руки, вскинутые в защитном движении, подрагивали, но опустить их Дементьев боялся – или просто не замечал глупости и неудобства собственной позы.

– Ты же потом всё-всё расскажешь, да? – осведомился Андрей, не отпуская полуобморочного взгляда Дементьева.

Дементьев сглотнул, борода дернулась. Андрей мягко шагнул к нему и добавил:

– Или сейчас. Про то, что было.

– Я не знаю ничего, я говорил этому вашему, я спал, не слышал почти!.. – закричал Дементьев, пристроив наконец татуированные руки на груди в молящем жесте.

– Почти, – повторил Андрей. – Но что-то слышал.

Он сделал еще шаг, так что его темно-синие заношенные «боксеры» оказались на уровне старательно отворачиваемой бороды, и коснулся ухоженного чубчика Дементьева. Тот шархнулся, чуть не рухнув со стула, и закричал уже в голос:

– Не слышно было, я спать хотел! Она такая: «Нет, нет, не надо» – не кричала, просто бубнила, а он: «Нормально, да ладно», и всё!

– Он – это Норов? – быстро уточнил Андрей.

– Да, Трофим, – сказал Дементьев, будто споткнувшись, и поспешно добавил: – Но он не кричал, и она тоже, и никаких ударов, я клянусь!

– А дальше что? – спросил Андрей, чуть покачиваясь.

Дементьев, едва не сворачивая шею в попытке уберечь бороду от прикосновения, плаксиво затараторил:

– И всё, я уснул! А утром проснулся – все на измене, ваши бегают, как будто, я не знаю, убили кого!

Андрей сделал шаг назад и мягко сказал:

– Ну Матвей. Ну чего ж ты сразу-то не объяснил? Мы бы и отстали. Видишь – ты сказал, я отстал. Почти.

Он вытянул из лотка несколько листов, положил их на стол перед Дементьевым, вцепившимся в край стула, и пристукнул ручкой. Дементьев вздрогнул.

Теперь это надолго, подумал Андрей весело, и предложил:

– Напиши, что рассказал, – и свободен. Спал, проснулся, услышал, всё.

– А Трофим тогда...

– Так он только «Да ладно» сказал, так? Ну что ему за это сделают? Выручай друга, давай-давай.

Дементьев, сгорбившись, смотрел на чистый лист бумаги, но на шум вскинулся мгновенно, будто только его и ждал. Ручка двери дернулась, в дверь негромко постучали. Дементьев открыл и закрыл рот.

– Минуточку! – громко сказал Андрей и вполголоса подбодрил: – Пиши-пиши. Без шапки и всяких там, сверху малость места оставь, и в свободной форме. Не договор же на ипотеку, просто друга выручишь.

Дементьев неохотно взял ручку и поводил ею над листом.

– И себя заодно, – добавил Андрей и поскреб бедро под трусами.

Дементьев, скомкав лицо так, что борода вылезла дальше носа, начал писать.

Андрей, последив за первыми строками, кивнул, отошел к шкафу, влез в форменные брюки и щелкнул замком.

Возле двери ждал Руслан, хмурый и раздраженный. Сразу видно, из «пыточной», а еще лучше видно, что пытка не удалась. Андрей показал ему, что следует помалкивать, и мягко прикрыл дверь. Руслан потянулся мимо него к ручке, злобно объясняя вполголоса:

– Андрюх, некогда. Норов, сука, так и в отказе, надо этого суслика жать.

Андрей, оттеснив его, поинтересовался:

– А хули ты отказное сразу не нарисовал?

Руслан молча попытался открыть дверь, не смог прорваться без боя и остановился, выжидая.

– Не, правда, – не унимался Андрей. – Жалко телочку стало, да: поехала с подружкой на базу с тремя чувачками, потом еще и остаться решила, когда подружка срулила по-тихому, – кто ж знал, что ее во все дыры долбить всю ночь будут, да?

– Ты это непременно сейчас обсудить хочешь? – спросил Руслан, кажется, задыхаясь от старательности, с которой подбирал слова.

Хватит, скомандовал себе Андрей, но сразу тормознуть не смог:

– А еще и Норов дерзкий да богатый, да? И прессануть такого сам бог велел, и...

Вот теперь точно хватит, повторил Андрей, заметив, что у Руслана явно падает крюк, аж глаза белеют. Он тряхнул головой и плечами, сбрасывая то, что давило со вчерашнего вечера и чуть не раздавило сейчас, и сказал:

– Не мельтеши, короче. Всё под контролем, дело сшито. Суслик собственноручно пишет сейчас, что слышал «Нет-нет» терпилы и «Ладно-нормально» Норова.

– Ип-понске бокс, – выдохнул Руслан, застыв. – Не врешь?

– С тебя, – сообщил Андрей без улыбки.

– Слушай, ну не заржавеет, – заверил Руслан. – Сейчас прямо метнусь. Заодно пожру, пока этот пишет. Вот ты колдун. Спасибо.

Он с размаху выдал Андрею ладонь, тот, ухмыльнувшись, звонко ответил. Руслан проявлял чувства очень редко – а теперь они не унимались:

– Девку-то реально жалко, а эти реально упыри, таких не наказывать – потом самим же опасно по улицам ходить будет.

– Ну поучи батю основам государства и права, – сказал Андрей, улыбаясь и машинально застегиваясь.

Руслан всё заливался:

– Форма решает все-таки. Буду теперь тоже на допрос хипстоты в парадке выходить. Ты чего вырядился-то?

– А ты реально по гражданке намерен пред очи Халка и всего начальства предстать? – удивился Андрей. – Не, ну можешь и так, конечно...

– Ип-понске, – медленно повторил Руслан. – Собрание же. День мента плюс два, по местному времени. Так. И я, значит, по-любому без обеда. Успею, думаешь, до дома и обратно?

– Поторопишься – успеешь, – сказал Андрей безжалостно, помедлил и все-таки спросил: – Слышь, а ты помнишь этого, сопляка с пояском?

– Напомни, – попросил Руслан, незаметно взглянув на часы в телефоне.

– Ну, серийный у нас тут лет пятнадцать назад был, в федеральный даже объявляли.

– Пятнадцать, – протянул Руслан укоризненно. – Андрюх, я пятнадцать лет назад в школу ходил и на соревнования ездил.

Он поморщился, будто от вдруг обострившейся давней боли. Андрей проворчал:

– Но не глухой же был, сарасовский вообще-то. Ладно, беги, измаялся, будто сикать хочешь.

Руслан, который и впрямь переминался почти по-детски, тут же неровно зашагал прочь, бросив на ходу:

– Если припоздну, а Халк спросит, скажи... Ну, что-нибудь.

– Учи батю, – сказал Андрей. – Чего хромаешь-то опять?

– Снег будет завтра, вот чего, – откликнулся Руслан почти из конца коридора и скрылся.

Андрей постоял, прислушиваясь к тишине за дверью, осмотрел себя, снова расстегнул пару пуговиц на рубашке и с грозным лицом вошел в кабинет.

Глава третья

До обеда Паша раз пять выскакивал в коридор под разными предлогами, а то и обходясь без них, всматривался в двери кабинетов Ани и Наташи, вздыхал и возвращался на место. Леночка и Юля реагировали на это с откровенным интересом, но его это не трогало. И на обед они звали Пашу весьма старательно – даже Юля, которая последний год старалась за пределами кабинета рядом с Леночкой не присаживаться. Но Паша неохотно сказал, что надо добить одну там, и застыл над клавиатурой, выжидая, пока тетки уйдут, и не обращая внимания на их многозначительные взгляды и иронические шепотки про «одну там, поди ж ты». Любые слова Леночки можно было выносить за скобки почти полностью. А Юля на удивление помалкивала. Только спросила, задержавшись на пороге и убедившись, что Леночка отошла и не слышит:

– Наташи так и не было?

Паша мотнул головой.

– Паршиво, – заключила Юля и удалилась.

Паша выжидал, пока стук каблучков стихнет, проверяя мессенджеры. Аня не отзывалась, а в сети отсутствовала со вчерашнего вечера.

Паша погонял курсор по без малого законченному тексту, который он, оказывается, навалил с утра, не возвращаясь в сознание, – надо будет перед сдачей как-то прийти в себя и прочитать, что получилось-то: вдруг там вместо бравурного релиза об успехах дистанционного образования описание живой природы или трактат про обустройство России, – и снова пошел по коридору.

Коридор был совершенно пустым, эхо шагов – долгим и несколько рваным. Паша подергал дверь Наташиного кабинета, ругнулся, к Аниной рванул с нарастающей злостью и шарахнул с ноги.

Дверь громко распахнулась.

Паша вздрогнул и застыл, а еще сильнее вздрогнула и застыла, испуганно вглядываясь в проем, Аня. Она, оказывается, сидела за своим столом, заваленным бумагами.

– Ты здесь, что ли? – глуповато уточнил Паша.

– Ты крышу двинул? – тоненько, но более резонно спросила Аня. – Я ж чуть...

Она, не договорив, зашуршала бумагами, выдернула бутылочку воды, зажатую парой столов, и принялась жадно пить. Руки у нее тряслись. Паша, виновато поведя плечами, вошел.

– Сорян, я десятый раз просто... Давно ты тут?

Аня оторвалась от горлышка, подышала, навинчивая крышечку, и сказала:

– С восьми вроде. Пытаюсь вот... работать.

Она показала на разложенные бумаги, заметила, что руки так и трясутся, и поспешно сунула их под бедра.

Аня не стала говорить, что ничего особенного с утра она не наработала: не получилось у нее ни выписать из проклятой рукописи значимых фактов, ни даже дочитать ее до конца – бурелом неточных и лишних слов, сквозь которые она вроде научилась просачиваться, снова стал непроходимым, ни смысла, ни общего рисунка действия ухватить не удавалось, так что глаза двадцатый и пятидесятый раз бегали по странице без толку и без надежды.

Тем более не стала она говорить о том, как пыталась перевернуть этот номер дома, в ночи, с еще более ураганным эффектом: не разобрала вообще ни строчки, а страшно стало так, что Аня рванула в туалет с шумом, едва не разбудившим Софью, – та недовольно забурчала, кажется, – заперлась и полчаса сидела на унитазе, боясь повести зябнувшими ногами и вслушиваясь в каждый звук в вентиляции, канализации и, похоже, собственных венах и слуховых каналах, рокочущих с интенсивностью дорогого сабвуфера.

Она с трудом выковыряла себя из сортира, но уснуть так и не смогла, поэтому собралась и, не завтракая, рванула на работу – очень странным длинным маршрутом, подсвеченными трассами и шоссе, в обход любых переулков, арок и проходов за парками, садами и гаражами. И в кабинете своем Аня закрылась, как в туалете, только вот запереться позабыла, оказывается.

Так сильно Аня еще не боялась. Никогда в жизни. И это Аниной-то жизни, более-менее целиком состоящей из испугов и опасений на фоне нескончаемого беспокойства.

– С рукописью этой? Круть. Я боялся, ты не станешь, вчера что-то совсем резко ушла.

Аню снова, как вечером у тополя, накрыл холодный безнадёжный ужас: я опять в дешевом телесериале, неинтересном и паршиво написанном, но на сей раз это не тоскливая дневная драма про унылую школу, бестолковый универ или трех женщин разных возрастов в однушке-хрущевке, а дебильный детектив про пылящего за углом маньяка. Только маньяк настоящий – был, по крайней мере. А может, и до сих пор пытит где-то. За углом.

Вот за этим, например.

Аня перевернула и провела руками по разложенным листкам, на которых она честно пыталась изобразить хронологию и особенности убийств, описанных в «Наказании преступления», но дальше нескольких пересекающихся линий и строчки «1. Автор????» не продвинулась.

Для начала и этого вполне.

– Ну да, – сказала она старательно деловитым тоном. – Надо понять, кто такой этот Недостойский, откуда он знал всякие подробности и так далее.

– А смысл? – удивился Паша. – Лучше, может, дела попробовать покопать. Или даже не совсем обязательно, сделать такую... Как уж в школе такое называлось? Документально-поэтическую, ну, в данном случае прозаическую композицию: кусок рукописи, кусок из дела. Ну или, если дела так и не дадут, из газеты. Или просто реконструкцию сделать, как в тру-крайм сериалах.

Аня помотала головой и повторила, уставившись в строчку «Автор????»:

– Откуда. Он. Знал. Подробности.

– Блин, делов-то. Наверняка утечка от ментов.

– Кому бы менты стали такие детали сливать?

– Да кому угодно. Времена такие были, диетические, и пропагандонов на зарплате еще не было почти, сливай кому сам придумаешь. Журналистам сливали всем подряд. Ладно соцсети толком не завелись, а то и блогерам бы всяким...

– А зачем?

– Ну, газеты платили за такое, копейки, но все-таки. Или по дружбе. Или в своих интересах: похвастаться либо, наоборот, через СМИ надавить на начальство, типа фигли следствие на другое отвлекаете, когда тут маньяк такой страшный орудует. Криминальная журналистика так и работает, везде.

– Ну, журналисты, даже... – Аня запнулась, постаравшись не показать на Пашу, – так не пишут. Я надеюсь. Вопрос не в том, что графоман, – просто видно, что человек представления не имеет ни о нарративе, ни о вообще структурированном повествовании.

– Ну, значит, мент или там близкий кто. Судмедэксперт, кинолог. Там же полно всяких с доступом. А по тексту совсем непонятно?

Аня мотнула головой и медленно пояснила:

– Кто-то, совершенно не умеющий писать, но знающий про описанные преступления более-менее всё. Поэтому текст и... работает.

– А ментовская сторона как отражена?

– Никак.

– Погодь, – сказал Паша озадаченно. – В смысле, там ни умного Шерлока с дурачком Ватсоном нет, ни серьезного полковника с этими, как обычно-то, серебряными висками и молодыми глазами, ни просто ментов-преследователей?

Аня снова мотнула головой, уставившись на Пашу с каким-то отчаянием.

Паша протянул руку.

– Дай сам посмотрю.

– Потом, – сказала Аня, не двинувшись. – Дочитаю – и сразу. Не дочитала пока.

Паша, не опуская руки, тихо спросил:

– Ты думаешь, что сам маньяк и писал, да?

Аня смотрела с тем же отчаянием. Паша, хлопнув себя по бедру, весело сказал:

– Ну Аньк. Ну что ты как маленькая. Чувак просто пытается влезть в психологию преступника. Не особо получается, поэтому и стиль такой дебильный. А что все подробности знает – так из пальца или откуда там их высосал, вот и вся тонкость. Погодь, я вот в подробностях покопаюсь, сто пудов обнаружится, что дофига этот Муходрищенский напридумывал и досочинял.

– А если нет? – начала Аня.

– А если да? – оборвал Паша, начиная злиться.

– Я про другое сейчас, дослушай, – сказала Аня, явно сдерживаясь. – Если рукопись хоть какое-то отношение к преступнику имеет, ну, из цикла дружок или там кузен написал, не говоря уж... Аффилированное, в общем, лицо. Вот если так – мы же не имеем права вообще это публиковать?

– С чего это? – изумился Паша.

– Преступник не должен получать дохода и вообще выгод от своего преступления, – сказала Аня. – Закон такой.

– А. Ну да. А в чем выгода, если мы даже не знаем, кто автор?

– А он-то знает. И будет рад.

Паша хмыкнул.

– И это выгода, да?

– Так рад, что решит эту радость повторить, – тихо закончила Аня.

– А-а, – сказал Паша, пытаясь придумать, что бы сказать еще, но придумал только повторить: – А-а.

В дверях, коротко стукнув по косяку, появилась Юля.

– Привет, Ань, – сказала она. – Наташа так и не появлялась?

Она кивнула синхронному мотанию голов Паши и Ани, черкнула что-то в телефоне и добавила:

– Брат ее найти не может. Полиция потеряла след, как говорится. Кстати, вы не в курсе, что за рукопись, про которую он спрашивает?

Глава четвертая

Андрей потоптался у двери и снова вдавил пуговку звонка. Колокол за дверью заголосил с неприятной поспешностью, но иных звуков всколыхнуть не сумел.

Андрей оторвал палец от звонка и стукнул по стальной двери, потом по косяку и стенке рядом. Звучало всё равно тише, чем звонок.

Зараза, подумал Андрей. И не шелохнется ведь. Разве что еще рюмочку себе подольет. Или в честном отрубоне лежит.

Давно пора свои ключи сделать. И засов на двери оторвать, на такой случай как раз. С другой стороны, сам же про этот засов договаривался и проверял потом, ладно ли работает. Кто ж знал, что такой случай окажется более частым и требовательным, чем тот, на который придумывался засов и из-за которого Наташка до сих пор запирала все доступные двери, не пользовалась лифтами, так и не побывала замужем – ну и, что скрывать, из-за которого проквасила всю жизнь и сейчас, судя по всему, валялась ужратой мордой в подушку, если не в половичок.

Андрей бимбомкнул звонком еще раз, ругнулся и пошел по лестнице, на ходу набирая сообщение: «Если к вечеру не откликнешься, двери вскрою».

«Молодец», – возник ответ тут же.

– Блин, – сказал Андрей, останавливаясь между этажами.

Он задрал голову, прислушиваясь и размышляя: не вернуться ли, чтобы подолбить в дверь до верного, – потом написал: «Ты дома, что ли?»

«Занята пока, вечером позвоню».

– Зар-раза, – пробормотал Андрей с облегчением и досадой.

Облегчение было связано с быстротой и вменяемостью ответов Наташки: не пьяная, похоже. Досада – со всем остальным.

Поколебавшись, Андрей продолжил спуск, на ходу поддерживая коммуникацию с сестрой, пока хотя бы этот вид доступен.

«Нормально расскажи про книгу эту. Где она?»

«Андрей, ты с семи лет книг не читал, поздновато начинать, нет?»

«Это рукопись к вам пришла, так? Или я неправильно понял, и она вышла уже? Где, в Москве?»

«Какая разница?»

Андрей снова ругнулся и проверил переписку с Юлей. Без толку: Юля так ничего и не ответила, кроме грустного смайлика.

– Очень, сука, информативно, – сказал Андрей и начал было ее набирать, чтобы объяснила как следует, что вообще известно. Не успел: телефон затрясся от входящего вызова Руслана.

– Давай к парку, – сказал он. – Труп, женщина, задушена. Координаты ща скину.

– Старая? – спросил Андрей, замерев. Сердце остановилось.

– Вроде нет. Кому надо старых-то... Ждем, короче.

Сердце загудело, разгоняясь с топотом.

– Мчусь, – сказал Андрей и действительно прибавил шаг.

Всё всегда происходит очень не вовремя и неподходящим образом. Ни поработать толком не дадут, ни старые долги закрыть. Именно этот разнообразно воспроизводящийся облом, а не что-то иное, и называется жизнь.

На улицу Андрей почти выбежал, но перед тем, как сесть в машину, все-таки развернулся и глянул на окна. Тюлевая занавеска просвечивает, но на улице было светлее, чем в комнате, так что заметить удалось бы только шевеления. А Наташа не шевелилась, пока машина не

отъехала. Она проводила ее взглядом, перевернула телефон, который распирала сообщения Баженова, Юли, Ани, забытых и совсем незнакомых мужиков и кого там еще, и набулькала очередные полстакана.

Обходились все без меня как-то до сегодняшнего дня, вот и до завтрашнего как-нибудь обойдетесь. И до послезавтрашнего. А там будет видно, я-то без вас могу или нет. И если могу – то зачем мне вы, всё прочее и я в том числе?

Глава пятая

Звук очень начальственных шагов прокатился по коридору, перекладывая короткие паузы требовательным стуком то в одну, то в другую дверь, и зарокотал, надвигаясь. Аня поежилась, переглянулась с Пашей и попыталась сесть прямо.

В дверях появился Баженов, кисло оглядел кабинетик и поздоровался. Аня и Паша ответили, причем Аня с трудом подавила позыв встать. Баженов, кажется, заметил, показал «Сидите-сидите», но лицом вроде немножко смягчился. Он спросил:

– Э... Алина, так ведь?

– Анна, – робко поправила Аня. – Маркова.

– Отлично, – одобрил Баженов непонятно что. – Анечка, Наталья Викторовна сегодня была?

– Я не видела, – виновато призналась Аня.

– Ага, – сказал Баженов и что-то проверил в телефоне. – Молодой человек, вы нас не простите? Маленький производственный вопрос.

Паша хлопнул глазами, с трудом сообразил, что от него требуется, поспешно встал и вышел, не сказав ни слова.

– Я Баженов, владделец и издатель вот этого всего, – начал Баженов, понял по изумленному кивку Ани, что она еще не забыла, и продолжил: – Ну да, на собрании рассказывал же. А вы, Ань, у нас, если я правильно понимаю, главная творческая единица «Пламени», ответственный секретарь, по сути, так?

Аня моргнула. В таких терминах Наташа ее функционал не объясняла.

– Так, – согласился сам с собой Баженов. – Ключевое слово «ответственный». Наталья Викторовна про вас именно это рассказывала, так что вся надежда на вас, пока она... отсутствует.

– А что я должна?... – тихо спросила Аня.

– Наталья Викторовна не объяснила разве? Журнал сделать, первый номер. Собрать, подготовить к печати и отправить. В печать, собственно.

– Ой, – сказала Аня беззвучно.

– Что с тобой? – Баженов заулыбался. – В смысле, что так беспокоит, Анечка?

Вот и потрудились на работе мечты, подумала Аня, помолчала, борясь со слезами, и с трудом выдавила:

– Я не умею.

– Что? – уточнил Баженов, не снимая улыбки.

– Ничего, – сказала Аня, с трудом сдерживая горькие и горячие брызги отчаяния. – Я не делала никогда журналов, не редактировала ничего, не собирала. Маме только на работе помогала и ребятам... Это не в счет, в общем. Не работала нигде, школу только окончила и на примате полсеместра, два месяца то есть...

Баженов перебил:

– Да гос-спидя. Мало ли, у кого какое образование. Я вон вообще инженер-технолог транспортных процессов, что ж мне, по маршрутным листам рыдать? Как говорится, просто повезло, фишка легла. И тебе тоже. Радуйся. Пользуйся.

– Мне девятнадцать только исполнилось, – сказала Аня с неприятной ей самой капризной плаксивостью. – Кто меня всерьез...

– Как себя поставишь, так и будет, – опять перебил Баженов. – И вообще, пофиг разница, боишься-нет, готова-нет. Судьбу и Родину не выбирают, а вот они сами всё выбирают за нас, в первую очередь – что делать.

«Во вторую – кто виноват», подумала Аня.

Баженов будто услышал, снова поощрительно улыбнулся и сказал:

– Единственный вопрос – тебе это интересно?

Аня, помедлив, кивнула.

– Вот и всё. Считаю, этот вопрос закрыт, а остальных нет. Лучше тебя никого не найдется, все, кто что-то умел, померли, а если бы и живы были, в новых условиях что бы сделали? Да ни фигашеньки. Тут всё с нуля надо, напористо, но аккуратно. Сугубо вопрос желания, терпения и ресурсов. Желание и терпение с тебя, ресурсы с нас. Мы поможем, всесторонне и максимально.

Он вдруг выдернул из кармана бумажник, из бумажника – золотую банковскую карту, которую шлепнул на стол со словами:

– Вот тебе на необходимые расходы, лимит полтинник в месяц. Хватит на скрепки, орграсходы и, например, завтраки?

Аня испуганно смотрела на карту, сцепив руки под грудью. Баженов сказал:

– Код четыре единички, потом можешь поменять на любой посложнее. Если не будет хватать, свисти, еще подброшу. Но это на крайний случай, если Наталья Викторовна совсем задержится с выходом. Этого не будет, конечно, но пока, чтобы время не терять, приступайте самостоятельно. В целом-то понятно, что делать?

Аня, вздохнув, сообщила:

– Первый номер.

– Умница. Первый номер – это мой, телефонный, запиши прямо сейчас и вызови.

Он продиктовал, Аня набрала, Баженов, кивнув, сбросил звонок и внес ее в контакты.

– Сейчас я тебе ссылочку на облако брошу, там утвержденный вариант макета и уже готовые материалы и фотки. По объему это где-то процентов тридцать номера, зато самое главное: приветствие читателям и подборка Чернавина с предисловием. Эта часть уже заверстана, ее не трогай, но можешь посмотреть, сколько страница текста занимает места на полосе. Остальное – на твое усмотрение. Предварительный план Наталья Викторовна составила, пока им руководствуйся, если что-то не срастается, свисти, согласуем изменения. Список всех необходимых контактов, дизайнер, верстак, корректор и так далее, там же. Если какие вопросы, сразу пиши-звони. Сейчас вопросы есть?

Аня тяжело вздохнула.

– Вот и прекрасно. Там план сдачи материалов и номера приложен, сроков лучше держаться, так что распечатай и повесь его на видном месте. Ближайший день «Дэ», если я правильно помню, первое декабря, это весь номер уже должен быть собран, дальше начнется редактура-вычитка. Я пару раз напомним, ты уж извини. Наталья Викторовна, как появится, пусть срочно мне позвонит, лады? Всё, верю, надеюсь. Не дрейфь, прорвемся.

Баженов сделал ручкой, развернулся, чтобы выйти, и чуть не сшиб с ног решительно подступившего из коридора Пашу.

– Всё-всё, молодой человек, более вашу принцессу не отвлекаю, – сказал Баженов очень серьезно, пытаясь его обойти. – Но вы уж тоже, пожалуйста...

– Александр Юрьевич, – напористо сказал Паша, не уступая дороги. – Я Павел Шевяков, тоже тут работаю, в «First media», и хотел бы помочь с «Пламенем».

– Ну... помогайте, – разрешил Баженов, лукаво оглянувшись на Аню. – Это уж как Анна... э-э-э, батьковна скажет.

– Есть проблема, которую мы решить не можем, а вы можете, – не дал сбить себя Паша. – В номер запланирован лонгрид про громкие преступления, он безопасный совсем, про архивные дела. Но УВД наглухо закрылось от любых СМИ, напрямую не общается, только ответами на письменный запрос через областное или даже окружное управление. Ну и в ответах этих, сами понимаете, толку ноль. Особенно когда детали и подробности нужны.

– Так я тебе тоже деталей не достану, – сказал Баженов.

– А не могли бы вы попросить увещанное начальство о режиме, ну, не благоприятствования, но чтобы хотя бы общались не под запись. Хотя бы по старым делам.

Баженов снова повернулся к Ане и спросил:

– Это реально нужно? Для номера?

Аня решительно кивнула.

– Сделаем, – сказал Баженов, пометил в телефоне, сунул его в карман и хлопнул Пашу по трицепсу. – Молодец, так держать. Всё, молодежь, оставляю вас на взаимном попечении, верю-надеюсь, на связи, пока-пока.

Он удалился с еще более начальственным раскатом шагов, хоть сейчас на титры сериала про неумолимость правосудия. Паша, подышав, сказал:

– Ну, теперь пойдет дело.

– Адище просто, – подтвердила Аня и упала лбом в пыльные бумаги.

Глава шестая

Огороженное желтыми лентами шевеление еле просматривалось с начала аллеи. В остальном аллея Славы, вернее, неширокая дорожка, идущая между косматыми даже по зиме кустарниками за тыловым забором Кировского парка, была, как обычно, безлюдной. Тем не менее у ленты бдительно поглядывал в стороны озябший сержант.

Андрей дошагал до него, показал удостоверение и миновал ленту, приподнятую заботливой сержантской рукой. Руслан захромал ему навстречу от группы медэкспертов. Бахрамова не было видно, трупа тоже. Видимо, пока они рядышком в месте обнаружения. Не выносили, Андрея ждали. Похвально.

– И снова здравствуйте, – сказал он, отвечая на рукопожатие Руслана. – Что-то херово ты с утырками договорился. Просили же до весны ровно сидеть.

– Твари вообще, – согласился Руслан. – Как ты, со своими делами разобрался?

Андрей цокнул углом рта и сказал:

– Показывай, что тут.

– Может, Бахрамов сразу?

– Это само собой, про странгуляционные борозды наслушаемся еще. Ты общую картинку дай пока.

– В 15:30 дворник нашел тело – он в парке с бригадой сбитый лед загрузил, его отправили по наружному периметру осмотреть, нет ли где опасных сосуллек, сугробов и прочего. Заметил в кустах босую ногу, думал, пьяная, сунулся, но быстро всё понял, сразу позвонил на «112».

– Точно не трогал ничего?

– Говорит, нет. Ну сам спроси, если хочешь, он в тачке греется пока, – Руслан кивнул в сторону проспекта Буденного, на котором припарковался и сам Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.